
ZLOSOSIS
НЕ ЧИСЛИТСЯ ЖИВЫМ
Протокол лишнего
тёмное городское фэнтези

ZLO SOSIS

Не числится живым

«Автор»
2026

SOSIS Z.

Не числится живым / Z. SOSIS — «Автор», 2026

В городе за спасённую жизнь выставляют счёт.Максим Чернов снимает остановки, которых больше нет. В первый раз его убивает автобус.
Во второй реестр пытается оштрафовать его за то, что он не остался мёртвым.Пятнадцать иллюстрированных глав о человеке, которого город забыл внести в графу «живые».

© SOSIS Z., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1 5
ГЛАВА 2 18
ГЛАВА 3 35
ГЛАВА 4 51
ГЛАВА 5 72
Конец ознакомительного фрагмента. 84

Не числится живым

История о городе, в котором за спасённую жизнь выставляют счёт.

ГЛАВА 1
Остановка, которой нет

В первый раз меня убил автобус.

Во второй — попытались оштрафовать за то, что я не остался мёртвым.

Справедливости ради, со стороны автобусной компании это выглядело последовательной политикой.

Но началось всё не с автобуса. Началось с трёх саморезов, промокших ботинок и женщины, которая искала остановку, не существовавшую на карте.

В 06:42 я стоял посреди улицы Северной с отвёрткой в руке и пытался открутить последнюю табличку остановки, официально прекратившей существование.

Табличка не соглашалась.

Это было даже трогательно: за шесть лет работы в городской службе демонтажа мне ни разу не попадался объект с такой сильной привязанностью к жизни. Люди сдавались гораздо быстрее. Особенно после того, как узнавали, сколько стоит перенести разрешённую парковку на десять метров.

— Давай, — сказал я саморезу. — Мы оба понимаем, чем всё закончится.

Саморез издал сухой скрип. Отвёртка соскользнула и прочертила мне по большому пальцу тонкую красную полосу.

— Отлично. Первая кровь за сегодня за тобой.

На противоположной стороне улицы дворник в оранжевом жилете остановился, посмотрел на меня и поспешно сделал вид, что слушает музыку. Разумный человек. С теми, кто разговаривает с дорожными знаками до семи утра, лучше не сближаться.

Меня звали Максим Чернов. Двадцать семь лет. Рост сто восемьдесят один, зарплата такая, что её удобнее указывать в миллиметрах, чем в рублях. По должности — техник городской службы адресных объектов. На деле — человек, которого отправляли убрать всё, что мэрия сначала установила, а потом передумала объяснять.

Остановка «Северная, 14» попала под программу оптимизации транспорта. Проще говоря, автобус здесь не ходил уже три месяца, а сегодня утром перестало существовать и место, где его раньше ждали.

Я нажал на кнопку в служебном приложении.

АКТ ДЕМОНТАЖА № 404-17.

Объект: остановочный пункт «Северная, 14».

Фактическое состояние: демонтирован.

Время закрытия: 06:43.

Статус в городском реестре: НЕ СУЩЕСТВУЕТ.

Фотография крепёжной планки, пустой стойки и моей кровоточащей руки ушла в систему. Последнее, вероятно, улучшало достоверность отчёта: муниципальные работы без человеческого страдания выглядели подозрительно.

Телефон завибрировал.

«Лада: Ты обещал купить молоко».

Следом пришло второе сообщение:

«Лада: Если завтракаешь моими хлопьями, знай, в них теперь изюм».

И третье:

«Лада: Шучу. Но молоко всё равно купи».

Лада была моей младшей сестрой, девятнадцатилетней студенткой медколледжа и человеком, для которого выведение меня из равновесия давно превратилось в отдельный учебный предмет. Из нас двоих она лучше справлялась с жизнью. Я платил за квартиру, менял розетки, варил макароны. Она помнила, когда нужно платить за квартиру, проверяла, чтобы я не умер от макарон, и время от времени напоминала, что розетка не должна искрить после замены.

Мы жили вдвоём с тех пор, как девять лет назад мать пропала по дороге с ночной смены. «Пропала» — так было написано в полицейском деле. «Ушла и не вернулась» — так говорили соседи. Лада тогда ещё верила, что взрослых можно найти, если очень громко звать.

Я перестал верить раньше неё.

Сестра работала по утрам в аптеке возле нашего дома. Первые посетители приходили за лекарствами, вторые — поговорить, третьи уверяли, что им поможет только то, что продаётся без рецепта и подороже. Лада ненавидела третьих, но разговаривала с ними вежливее всех.

Я набрал ответ:

«Молоко куплю. Изюм в хлопьях — уголовное преступление».

И только тогда заметил женщину.

Она стояла у пустой стойки, от которой я только что снял табличку. На вид лет шестьдесят. Сухое серое пальто, сумочка с облупившейся металлической застёжкой, шляпа, которую носили задолго до моего рождения. Она смотрела не на меня, а на дорогу.

— Автобус давно был? — спросила она.

— Какой?

— Нулевой.

Я проверил, не торчит ли где-нибудь камера. Иногда блогеры устраивали розыгрыши с участием муниципальных служащих. Обычно самые смешные моменты получались, когда служащие понимали, что их снимают.

— Здесь больше нет остановки, — сказал я. — Ближайшая на проспекте, триста метров.

Женщина подняла на меня глаза. Радужки были такими светлыми, что казались выцветшими.

— Он всегда останавливается, где ему положено.

— Тогда ему положено искать работу в другом районе.

Она едва заметно улыбнулась.

— Вы ещё шутите. Это хорошо.

— Почему «ещё»?

— Потому что потом обычно перестают.

За её спиной проехал мусоровоз. Я моргнул — и женщины не стало.

Не убежала. Не свернула за угол. Между двумя морганиями человек успел исчезнуть с прямого, пустого участка тротуара.

Я посмотрел на грязные следы у стойки. Следов не было.

— Не выспался, — произнёс я.

Дворник, всё ещё наблюдавший издали, перекрестился.

— У вас отличная поддержка, — сообщил я ему и взял инструментальный ящик.

. . .

В 07:02 мне позвонил начальник.

— Чернов, где отчёт?

— В приложении с шести сорока трёх.

— А почему я его не вижу?

— Потому что вы открыли приложение?

— Не умничай. У нас проверка. Все адреса должны совпадать.

— Они совпадают. Остановка закрыта, табличка снята, акт подписан.

Начальник помолчал. У него был талант: он мог заставить паузу звучать как дисциплинарное взыскание.

— Ты сейчас возле Северной?

— Да.

— Тогда уходи оттуда.

Я замедлил шаг.

— Что?

— Сказал же. Уходи. И не отвечай на звонки с неизвестных номеров.

Линия оборвалась.

Три месяца назад этот же человек требовал, чтобы я работал во время ледяного дождя, потому что «снег не отменяет график». Его внезапная забота о моём здоровье выглядела серьёзнее любой угрозы.

На экране загорелось новое уведомление.

Оно не было похоже ни на одно приложение. Чёрный прямоугольник без значка и кнопки закрытия, белые буквы, будто отпечатанные на старой кассовой ленте.

[УВЕДОМЛЕНИЕ О ПЛАНОВОМ ИСХОДЕ]Гражданин: ЧЕРНОВ МАКСИМ АНДРЕЕВИЧ.Место: остановочный пункт «Северная, 14».Время: 07:14:00.Событие: СМЕРТЬ.Отклонение: НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Я остановился.

Посмотрел на часы. 07:03.

Одиннадцать минут до смерти. Обычно муниципалитет сообщал о важных событиях позже, но прогресс не стоял на месте.

Я попытался смахнуть уведомление. Оно осталось. Выключил экран — белые буквы проступили даже на чёрном стекле, словно кто-то печатал их изнутри.

Внизу появилась новая строка.

[ПОДТВЕРДИТЕ ОЗНАКОМЛЕНИЕ]

— Сначала вакансию мне предложите, — сказал я телефону.

Экран мигнул.

[ОЗНАКОМЛЕНИЕ НЕ ТРЕБУЕТ СОГЛАСИЯ]

Холод пробежал по спине. Не от угрозы — от того, что ответ был слишком точным.

Я набрал Ладу.

Гудок. Второй. Третий.

— Если ты звонишь про молоко, — ответила она, — я уже решила простить тебя посмертно.

— Не говори так.

Она тут же изменила тон:

— Макс? Что случилось?

Я хотел сказать про сообщение. Про женщину. Про то, что начальник внезапно научился заботиться о подчинённых. Но представил, как Лада бросает смену и бежит ко мне через полгорода, и вместо этого спросил:

— Ты сейчас в аптеке?

— Да. А что?

— Запри заднюю дверь.

— Макс.

— И никому не отдавай мой запасной ключ. Даже если скажут, что я попросил.

— Ты меня пугаешь.

— Меня тоже кое-кто пугает. Но у него плохой маркетинг.

— Назови адрес. Я приеду.

У меня перед глазами снова возникло 07:14:00.

— Нет. Останься там. Это важно.

Лада выдохнула.

— Хорошо. Но через пятнадцать минут ты перезваниваешь. Обещай.

— Обещаю.

Я соврал так уверенно, будто до этого никогда не делал глупостей.

В трубке что-то щёлкнуло. Прямо перед тем, как связь прервалась, я услышал чужой голос. Сухой, спокойный, очень близкий к микрофону сестры:

— Обещание зарегистрировано.

Связь исчезла.

Я попытался перезвонить. «Абонент недоступен».

Мой телефон показывал 07:06.

Я поспешил прочь от бывшей остановки.

За перекрёстком стояла девочка лет двенадцати. Тонкая, в короткой куртке с оторванным бегунком и красных шерстяных варежках, совершенно не подходивших для тёплого сентябрьского утра. На запястье у неё болталась синяя нитка с тремя узлами. Она сидела на бетонном ограждении и ела сухую лапшу прямо из пачки.

Когда я приблизился, девочка спрыгнула.

— Максим Чернов?

Я окончательно разлюбил это утро.

— Вы кто? — спросил я.

— Ника.

— Отчество?

— Для спасения жизни вам оно точно понадобится?

— Я пока не уверен, что хочу спасать именно твою.

— Тогда совсем плохо, — сказала она. — Потому что я пришла спасать вашу.

Она протянула мне бумажный билет. Старый, тонкий, с синей полосой по краю. Такие выдавали в автобусах, когда мой отец ещё умел смеяться.

На билете была напечатана дата: 17.09.2031.

Ни номера рейса, ни стоимости. Только два слова:

«ОБРАТНЫЙ ПРОЕЗД».

Я не взял билет.

— Девочка, а родители знают, что ты раздаёшь незнакомым мужикам странные бумажки?

— Родители у меня бывают не всегда.

— Это как?

— Не сейчас. Слушайте внимательно. В семь четырнадцать здесь будет автобус. Номер ноль. Вы в него не садитесь.

— План был даже лучше: уйти отсюда.

— Не получится.

— Посмотрим.

Она посмотрела на меня с выражением взрослого человека, который уже трижды пытался объяснить новичку правила безопасности.

— Тогда хотя бы запомните: контролёру нельзя отдавать ничего, где написано ваше имя. И если увидите вторую версию себя, не говорите ей, что вы живы.

Пальцы похолодели.

— Откуда ты знаешь про сообщение?

— Потому что вы сейчас смотрите на меня так же, как смотрели в прошлый раз.

— В прошлый раз?

Ника резко обернулась.

На другой стороне улицы снова стояла женщина в серой шляпе. Теперь она держала у уха тонкую чёрную трубку, хотя рядом не было ни телефона, ни кабеля.

— Опоздали, — шепнула девочка.

Часы на фасаде магазина моргнули.

07:09.

Потом 07:10.

Потом сразу 07:13.

— Этого не бывает, — сказал я.

Ника схватила меня за рукав.

— Бывает, если кому-то очень хочется поскорее вас убить.

Сначала я услышал тормоза.

Потом — гудок.

Наконец увидел автобус.

Большой, тёмно-зелёный, старой модели, с круглыми фарами и белой цифрой 0 за лобовым стеклом. Он вывернул из переулка, где не было автомобильного выезда: там стояла глухая кирпичная стена с рекламой стоматологии.

Стена на мгновение стала прозрачной, пропустила автобус и снова сомкнулась.

Я успел подумать, что стоматология, вероятно, предлагала самые радикальные услуги в городе.

Потом автобус повернул прямо на нас.

. . .

Человек, который никогда не попадал под автобус, обычно представляет себе удар. Оглушительный хлопок, боль, полёт, темноту.

На деле я не услышал ничего.

Мир просто выдернули из-под ног.

Я увидел переднее стекло с паутиной трещин. В нём отражалось моё лицо — удивлённое, почти обиженное. Ника ударила ладонью по моей спине, и я оттолкнул её к ограждению. По крайней мере, успел сделать хоть что-то правильно.

Потом асфальт оказался у самого носа.

Я лежал щекой на мокрой полосе разметки. Чувствовал запах горячей резины и разбитого стекла. Не мог пошевелиться. Надо мной собирались люди. Кто-то звал скорую. Женщина повторяла: «Господи, совсем молодой».

Часы на телефоне, валявшемся рядом, показывали 07:14:00.

В памяти всплыло обещание сестре.

Через пятнадцать минут.

Надо было попросить у неё двадцать.

— Зафиксировано, — сказал кто-то.

Перед глазами возникла чёрная карточка.

[ПЛАНОВЫЙ ИСХОД ВЫПОЛНЕН]Объект: ЧЕРНОВ М. А.Состояние: МЁРТВ.Точность исполнения: 100%.Дальнейшее участие в событиях не предусмотрено.

Я попытался вдохнуть и не смог.

А потом услышал крик:

— Я ВИДЕЛА!

Это кричала Ника.

— Я видела, как он выжил! Слышите?! Я ВИДЕЛА!

Что-то треснуло. Не кость, не стекло — воздух, как будто огромный лист замёрзшего озера разошёлся под ногами.

Я вдохнул.

Слишком резко. В груди вспыхнула боль. Я перевернулся на бок, закашлялся и выплюнул на асфальт сгусток крови.

Толпа отступила.

Кто-то вскрикнул.

Я поднялся на локтях — и увидел себя.

В трёх шагах лежало моё тело. Голова повернута под неправильным углом, правая рука зажата под колесом, тёмное пятно расползается по куртке. Глаза открыты. Я никогда не любил фотографии, а этот ракурс вообще не следовало показывать родственникам.

Рядом с трупом стоял я. В той же куртке, с тем же порезанным пальцем, в ботинках, испачканных той же грязью.

— Нет, — сказал я.

Моё мёртвое лицо осталось равнодушным.

Ника, стоявшая у ограждения, облегчённо опустила руки.

— Успела.

Над улицей раздался короткий сигнал, похожий на звук неисправного кассового аппарата.

[ОШИБКА ПОДТВЕРЖДЕНИЯ]Достоверность исхода: 99,7%.Причина расхождения: ЖИВОЙ СВИДЕТЕЛЬ.Свидетелей: 1.Режим устранения расхождения активирован.До повторной фиксации: 01:30.Число 01:30 сразу изменилось на 01:29.

— Что это значит? — спросил я.

— У вас есть полторы минуты, чтобы доказать, что вас не должны были убивать, — сказала Ника. — Или вас вернут туда.

Она указала на тело.

— А если я не смогу?

— Тогда мне тоже не повезёт.

Из автобуса вышел контролёр.

Высокий, худой, в безупречно выглаженном форменном пальто. Лицо гладкое, будто его натянули на череп слишком туго. На груди — металлическая табличка «ПРОВЕРКА». В руке — старый компостер, по форме напоминавший степлер.

Он шагнул через лужу крови, не замочив ботинок.

— Уважаемый пассажир, — обратился он ко мне. — Ваш рейс завершён.

Я сделал шаг назад.

— Я никуда не ехал.

Контролёр улыбнулся. Так, наверное, улыбается бухгалтер, когда вы говорите, что не знали о налогах.

— По нашим сведениям, ехали. И прибыли строго по расписанию.

Он щёлкнул компостером.

Человек из толпы, который собирался вызвать скорую, замер. Телефон остановился возле его уха. Прохожая рядом застыла с открытым ртом. С капота припаркованной машины перестала стекать вода.

Мир неподвижно повис вокруг нас, словно кто-то поставил видео на паузу.

— Только вы и свидетель, — пояснил контролёр. — Остальные не должны наблюдать оформление.

Ника отошла в сторону, заставив его повернуть голову.

— У него есть право на обжалование!

— Имеется, — согласился он. — Пустая формальность. Можете подать жалобу на листе установленного образца, который будет выдан после вашей окончательной смерти.

— Удобно, — сказал я. — Прямо мечта любого государственного ведомства.

— Благодарю. Мы стараемся.

Он снова щёлкнул компостером.

Грудь сдавило так, будто внутрь медленно вворачивали толстый железный болт. Я упал на одно колено. Пальцы левой руки начали просвечивать. Сквозь них я увидел нарисованную на асфальте белую полосу.

[ОСТАЛОСЬ: 01:09]

— Что мне делать?! — крикнул я Нике.

— Найти ошибку в документе! Не в смерти — в документе!

— У них даже мой рост нигде не указан!

— Ищите адрес! День! Что угодно!

Контролёр вздохнул.

— Дети часто переоценивают значение мелких неточностей.

Я попытался встать. Не вышло. Чёрные полосы набежали по краям зрения, как будто кто-то стирал меня грязным ластиком.

Документ.

Место: остановочный пункт «Северная, 14».

Три самореза. Кровь на пальце. Акт № 404-17.

Я приподнял голову.

— Секунду, — хрипло сказал я. — Здесь нет остановки.

Контролёр даже не моргнул.

— Ваша смерть зарегистрирована на остановочном пункте «Северная, 14». Проверка не требуется.

— Требуется. Я его демонтировал.

— Декларация гражданина не является доказательством.

Телефон лежал в двух метрах, возле переднего колеса автобуса. Его экран всё ещё светился, несмотря на трещину. Там был акт демонтажа. Если я дотянусь...

Контролёр проследил за моим взглядом.

— Ношение мобильных устройств в посмертном состоянии не предусмотрено.

Он наступил на телефон.

Хрустнуло стекло. Экран погас.

— Вот теперь всё правильно, — любезно сказал он.

[ОСТАЛОСЬ: 00:52]

Ника молча смотрела на меня. Не плакала, не просила. Слишком спокойная для ребёнка, который видит, как взрослый превращается в прозрачную плёнку.

И тут я понял, что она не смотрит на меня.

Она смотрит на мой инструментальный ящик.

Жёлтый пластиковый ящик лежал за ограждением. Я отбросил его туда, когда автобус пошёл на нас. На крышке — наклейка городской службы, а внутри под отвёртками и скотчем — маленький принтер, которым мы печатали бумажные дубликаты актов. Старомодная штука на батарейках. Начальство не доверяло цифре и требовало, чтобы каждый несуществующий объект имел материальное доказательство своего несуществования.

Видимо, сегодня это могло спасти мне жизнь.

— Ника, ящик, — выдавил я.

Она метнулась к ограждению.

Контролёр выпрямился.

— Несанкционированное вмешательство в оформление документации запрещено.

Он сделал шаг к ней.

Я схватил его за полу пальто. Ладонь проскользнула сквозь ткань, словно та была сделана из дыма. Зато на руке остался ледяной ожог.

— Да я вас на любую проверку натравлю, — прошипел я.

— Сами видите, — сказал контролёр, — мы проверок не боимся.

Он развернул компостер к Нике.

Тогда я ударил его металлической отвёрткой в шею.

Не потому, что считал это хорошим планом. Потому, что других не было.

Лезвие прошло сквозь кожу и застряло во внутреннем механизме. Я услышал тихий скрежет шестерёнок. Контролёр впервые перестал улыбаться.

— Порча имущества, — произнёс он.

— Запишите на мой счёт.

— Записываем.

Он ударил меня раскрытой ладонью.

Я пролетел через полосу разметки и врезался спиной в автобус. Изо рта выплеснулась кровь. Воздух вышел из лёгких, будто из дырявого матраса.

[ОСТАЛОСЬ: 00:31]

Ника уже открыла ящик. Вытащила рулон термобумаги. Прижала кнопку принтера.

Аппарат затрещал.

— Мне нужен номер! — крикнула она.

— Четыреста четыре, дефис семнадцать!

Она набрала цифры. Принтер выплюнул узкую полоску бумаги.

Контролёр двинулся к ней. Не побежал — просто за один шаг преодолел пять метров. Подошва его ботинка не касалась земли.

Я вслепую схватил висящий из-под автобуса провод и дёрнул. В ладонь ударил электрический разряд. Сердце сорвалось с ритма. Фары вспыхнули, а из динамика внутри салона раздалось:

— Следующая остановка... следующая... следующая...

Контролёр замер на долю секунды.

Этого хватило.

Ника швырнула мне бумажную ленту. Она пролетела сквозь неподвижный воздух и коснулась моих пальцев.

[ОСТАЛОСЬ: 00:16]

Я не мог больше встать, поэтому поднял лист двумя руками, как поднимают флаг над очень маленькой и крайне неудачной революцией.

— Возражаю, — сказал я.

Белые буквы вспыхнули у самого лица.

[ОФОРМИТЕ ОСНОВАНИЕ ВОЗРАЖЕНИЯ]

— Вы записали мою смерть на остановке «Северная, 14». Но её не существует. Она удалена из реестра в шесть сорок три. Вот акт, подтверждённый городом. Вы использовали несуществующий адрес.

Контролёр поднял руку с компостером.

— Невозможно. Событие уже проведено.

— Это ваша проблема, — сказал я. — В моей службе за такое выгоняют. После двух объяснительных и корпоративного тренинга о внимательности.

[ОСТАЛОСЬ: 00:05]Строки на бумаге вспыхнули бледно-синим.

[ЗАПРОС В ГОРОДСКОЙ РЕЕСТР]

Объект «Северная, 14».

Статус: НЕ СУЩЕСТВУЕТ.

Время удаления: 06:43:11.

[ПРОТИВОРЕЧИЕ ПОДТВЕРЖДЕНО]

Контролёр раскрыл рот. Внутри не было языка. Вместо него медленно проворачивалось маленькое колёсико с цифрами.

— Поздно, — прошептал он.

[ОСТАЛОСЬ: 00:01]

Я закрыл глаза.

Внутри головы что-то щёлкнуло.

. . .

У меня было ощущение, что весь город одновременно попытался вдохнуть сквозь соломинку.

Воздух вздрогнул. Машины дёрнулись, будто пропустили несколько кадров. Капли дождя, остановленные в полёте, разом ударили по земле.

Человек с телефоном у уха договорил:

— ...алло, скорая? Здесь...

И замолчал.

Автобуса не было.

Трупа не было.

Контролёра тоже.

На мокрой дороге остался только я. Стоял на коленях с клочком термобумаги. Куртка разорвана, на руках кровь, во рту металлический привкус. Уцелевшие прохожие оглядывались так, будто услышали громкий звук, но уже забыли какой.

— Здесь что произошло? — спросила женщина.

— Оптимизация, — ответил я.

Она посмотрела на меня как на идиота и пошла дальше. Я давно подозревал, что правда производит именно такой эффект.

Ника села прямо на тротуар и уткнулась лицом в колени.

Я хотел её поблагодарить. Но у меня не было уверенности, что она не начнёт плакать, а утешать детей я умел примерно так же, как проводить нейрохирургические операции с помощью перфоратора.

Тогда я просто сел рядом.

Перед глазами снова появился чёрный прямоугольник.

[ВОЗРАЖЕНИЕ УДОВЛЕТВОРЕНО]Исход № 7-14-0 признан недействительным.Гражданин ЧЕРНОВ М. А. возвращён в активную последовательность событий.Обнаружен субъект с несанкционированным правом оспаривания.Присвоен статус: ЛИШНИЙ.Ранг допуска: 0.Ошибок, подтверждённых лично: 1.Доступная функция: ПРОВЕРКА ФАКТА (I).Описание: позволяет в течение восьми секунд видеть один элемент обстановки, преднамеренно исключённый из текущей версии событий.Ограничение: повторное применение требует подтверждения нового противоречия.

Я прочитал сообщение дважды.

— Это что, повышение квалификации? — спросил я у воздуха. — А удостоверение выдадите?

[СУБЪЕКТ НЕ ВНЕСЁН В КАДРОВЫЙ РЕЕСТР]

— Даже здесь официально не трудоустроен.

Ника подняла голову.

— Получилось?

— Если не считать того, что меня, кажется, наняли внештатным сотрудником в отдел вселенских ошибок, то да.

Она улыбнулась — впервые по-настоящему, без горечи и напряжения. И я понял, насколько она была напугана.

— Я же говорила, — сказала Ника. — Вы можете.

— Я ещё не понял, что именно могу. И откуда ты меня знаешь.

Улыбка исчезла.

— Лучше не спрашивайте пока.

— Я обычно не следую советам людей, которые едят сухую лапшу на завтрак.

— Тогда спрашивайте. Только ответ вам не понравится.

Она поднялась, отряхнула колени и посмотрела на часы магазина. Теперь на них было 07:14. Цифры сменялись, словно ничего не случилось.

— Нам нужно уйти. Быстро.

— Сначала ты объяснишь, кто этот контролёр.

— Исполнитель.

— Как оригинально. Надеюсь, у его начальства фантазия получше.

— Он не начальство боится. Он боится бухгалтерии.

— На этом месте я впервые за утро почувствовал с ним родство.

Ника посмотрела на меня серьёзно.

— Не шутите про бухгалтерию. Они слышат.

Её голос прозвучал так, что я заткнулся.

Я наклонился за ящиком. Отвертка была искривлена, будто её побывали в тисках. Пальцы покрывали белые пятна от холода. Акт демонтажа сохранился. На самом деле он был единственной вещью в этом утре, которая не казалась обманом.

— Ладно. Пойдём в полицию. Или к врачу. Хотя врач, вероятно, отправит нас к психиатру, а тот — в полицию.

— Они уже знают, — ответила Ника.

— Кто?

— Те, кому положено знать, когда кто-то остаётся живым вопреки расписанию.

Она показала за мою спину.

На экране остановочного павильона через дорогу — у новой, действующей остановки — раньше крутилась реклама доставки еды. Теперь там горела моя фотография. Паспортная, пятилетней давности, с таким лицом, словно меня только что попросили добровольно прийти в налоговую.

Под ней было написано:

«РАЗЫСКИВАЕТСЯ. НАРУШИТЕЛЬ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ. НЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ».

Пожилая пара, стоявшая возле экрана, не обратила на объявление внимания. Мужчина беседовал о погоде. Женщина поправляла шарф. Значит, видели его только мы.

— Интересно, за мою поимку есть премия? — спросил я.

— Есть, — ответила Ника.

— Сколько?

— Возможность не умереть вместо вас.

Я больше не улыбался.

В стекле павильона промелькнуло отражение человека в сером пальто. Я обернулся: на тротуаре никого не было.

— Макс, — сказала Ника. — Вы сейчас думаете, как убежать. Это нормально. Только сначала послушайте. Вас не просто назначили умереть. Вас назначили умереть именно здесь, в точное время, потому что кто-то знал, что вы снимете табличку. Ваша смерть была ловушкой.

— Для меня?

— Для вашего права возразить.

— Что это значит?

Она открыла рот, но в этот момент треснул мой телефон.

Я был уверен, что контролёр его раздавил. И всё же из кармана куртки раздалась знакомая мелодия — мерзкая пианино-версия песни, которую Лада поставила мне вместо звонка. Экран оказался целым. На нём светилось сообщение от сестры:

«Я на работе. Ты где? Не забудь про молоко».

Время отправки: 07:15.

Я почти рассмеялся от облегчения.

— Всё в порядке, — сказал я. — Она в аптеке.

— Кто?

— Сестра.

Ника резко побледнела.

— У вас есть сестра?

— Я упоминал её по телефону. Ты же...

— Нет. — Она ухватила меня за локоть. — Не отвечайте ей. Ни слова.

— Почему?

— Потому что в моей версии мира у вас никогда не было сестры.

Что-то холодное и тяжёлое опустилось мне в живот.

Телефон завибрировал ещё раз. Уведомление было не от Лады.

[КОРРЕКТИРОВКА БАЛАНСА]Восстановление несостоявшегося исхода завершено.Отмена смерти не отменяет обязательства по её учёту.Смертей к оплате: 1.Порядок взыскания: ближайшая живая связь.

Я перечитал последнюю строку. Потом ещё раз.

[ПОЛУЧАТЕЛЬ ИЗЪЯТИЯ]ЧЕРНОВА ЛАДА АНДРЕЕВНА.Возраст: 19 лет.Местоположение: аптека «Завтра», улица Речная, 6.До изъятия: 00:59.

Девочка схватила меня за рукав.

— Макс, вы слышите? Нам нельзя туда идти. Если они узнают, что она существует, они...

Я уже бежал.

Пятьдесят восемь секунд.

До аптеки — четыре километра.

И где-то в городе существовало существо, которое считало, что сестра — вполне разумная цена за мою жизнь.

У него оставалась одна проблема.

Я работал с городским реестром.

А там, как выяснилось, даже смерть можно было отправить на доработку.

ГЛАВА 2
Ближайшая живая связь

Пятьдесят восемь секунд.

Четыре километра.

Если бы у меня был мотоцикл, пустая дорога и врождённое презрение к правилам дорожного движения, я всё равно не успел бы. Из трёх перечисленных условий у меня имелось только третье. Да и то исключительно после знакомства с автобусом номер ноль.

Я бежал так, что каждый шаг отдавался острой болью под рёбрами. От удара контролёра слева будто поселился небольшой, но очень деятельный топор. В горле стоял вкус крови. Город вокруг продолжал заниматься привычными вещами: светофоры переключались, люди несли кофе, курьер на велосипеде объяснял кому-то по телефону, почему опоздает на пять минут.

Мне хотелось остановить его и сказать, что пять минут — это не опоздание. Это роскошь.

— Макс! — крикнула Ника сзади.

Я даже не обернулся.

— Если собираешься предложить такси, предупреждаю: приложение у меня уже однажды предсказало смерть, и я не готов доверить ему маршрут.

— Вы не успеете!

— Спасибо. Сам считал.

— Тогда перестаньте бежать!

Она догнала меня у пешеходного перехода. Маленькая девочка в красных варежках, которые были нелепы в сентябрьскую жару, двигалась без одышки. Я, взрослый мужик, после ста метров был готов написать завещание прямо на собственной спине.

Ника вцепилась в рукав.

— Если опоздаете, она исчезнет. Если придёте обычным путём — опоздаете. Понимаете разницу?

— Я понимаю, что у меня есть пятьдесят секунд. У тебя — секунд десять на полезное предложение.

Она показала за моё плечо.

— На той остановке вы отменили адрес. Значит, вам туда.

Я оглянулся. Пустая металлическая стойка «Северной, 14» торчала метрах в ста за спиной.

— Мы только что оттуда выбрались.

— А теперь вы знаете, что там нужно искать.

[КОРРЕКТИРОВКА БАЛАНСА]До изъятия: 00:47.Получатель: ЧЕРНОВА ЛАДА АНДРЕЕВНА.

На экране появилось ещё одно сообщение, уже обычное.

«Лада: Ты правда странный сегодня. Я поставила чайник. Если придёшь, забирай молоко сам».

Она была жива. От этой простой мысли мне стало больнее, чем от сломанных рёбер.

Я набрал её номер. Пошли гудки.

— Ладка, возьми трубку, — прошептал я.

Никто не ответил.

— Вашу сестру нельзя найти обычным способом, — сказала Ника.

— Её адрес напечатан прямо здесь.

— Адрес — да. Дорогу — нет. Они уже проложили свою.

Я повернулся к ней.

— Кто — они?

— Взыскатели. Пока счёт открыт, между местом ошибки и местом оплаты есть служебный путь. Его убирают из событий, чтобы никто посторонний не воспользовался.

— А мы, значит, не посторонние?

— Вы теперь ошибка. Это почти должность.

Я посмотрел на старую стойку, потом на чёрные буквы, плававшие перед глазами.

Доступная функция: ПРОВЕРКА ФАКТА (I).

Восемь секунд на один предмет, который кто-то намеренно вычеркнул из текущей версии событий. Не на поиск сестры. Не на телепортацию. Не на превращение в человека, который способен пробежать четыре километра за минуту.

На поиск двери.

— Как её включить?

— Я не знаю.

— Прекрасно. Ты специализируешься на помощи, как наша городская справочная.

Я зажмурился и мысленно произнёс название функции. Ничего.

Тогда представил ту самую пустую стойку и подумал: «Покажи, что отсюда скрыли».

[ЗАПРОС ПРОВЕРКИ ФАКТА]Новое расхождение обнаружено: родственная связь подтверждена в последовательности субъекта и отсутствует в последовательности свидетеля НИКИ.Тип: НЕСОГЛАСОВАННОСТЬ ВЕРСИЙ.Основание для одной проверки: ДОПУЩЕНО.Время видимости исключённого элемента: 00:08.

— Ника, — сказал я, — когда начнутся восемь секунд, беги за мной.

— Я и так бегаю за вами с семи утра.

Я активировал проверку.

У города отклеился краешек.

Именно так это выглядело: словно кто-то потянул за невидимую плёнку, прикрывавшую правую часть тротуара. Стойка остановки осталась на месте, но за ней обнаружилась тёмная дверь из крашеного железа. Дверь стояла посреди открытого пространства без стен, петель и какого-либо уважения к архитектуре. Над ней мерцали цифры: 404–17.

Тот самый номер моего акта.

Внизу ползла строка:

[СЛУЖЕБНЫЙ КАНАЛ ДОСТАВКИ]Отправление: объект, исключённый в 06:43:11.Назначение: РЕЧНАЯ, 6.Назначение канала: ВЗЫСКАНИЕ.

— Вот она, — выдохнула Ника.

Я уже бежал.

Семь секунд.

Шесть.

На бегу вытащил из кармана смятую ленту термобумаги — свой драгоценный акт демонтажа, ради которого успел умереть и воскреснуть. Приложил к дверной ручке, потому что электронных ключей у меня больше не было, а проверяющие организации, насколько я понял, любили документы.

Ручка оказалась ледяной.

[ПРОВЕРКА ОСНОВАНИЯ ДОСТУПА]Акт № 404–17: ПОДТВЕРЖДЁН.Субъект: ЛИШНИЙ.Доступ для сопровождения: НЕ ПРЕДУСМОТРЕН.

— У тебя нет допуска! — бросил я Нике.

Она вытащила из кармана старый автобусный билет с синей полосой. Тот самый, который совала мне утром.

«ОБРАТНЫЙ ПРОЕЗД».

— А у меня проездной.

Прижала билет к железу.

Что-то внутри двери пробило компостером две круглые дырки. Металл откатился в сторону.

Три секунды.

Я схватил Нику за руку, и мы прыгнули в темноту.

За спиной хлопнуло. Последнее, что я увидел в обычном мире, — дворника у угла. Он заметил, как два человека исчезли в двери, которой не было, посмотрел на свою метлу и решительно швырнул её в урну.

Понимаю его.

. . .

Мы оказались в длинном коридоре, облицованном жёлтой кафельной плиткой. Под потолком висели лампы в железных решётках. Откуда-то тянуло сырой бумагой, пылью и больничным спиртом. В стенах, через каждые несколько шагов, располагались одинаковые двери с латунными цифрами.

Над первой было написано: «СНЕСЁННЫЙ ГАРАЖ. СРОК ЗАКРЫТИЯ 2008».

Над второй: «УЛИЦА, НЕ ПОЛУЧИВШАЯ НАЗВАНИЯ».

Над третьей вообще не было слов. Только человеческий отпечаток ладони на стекле. Изнутри кто-то тихо постучал.

Я сделал вид, что не слышу.

— Что это? — спросил я, не сбавляя шага.

— Изнанка городского реестра. Здесь хранят маршруты, которыми больше нельзя пользоваться.

— А почему коридор пахнет архивом, где умерли все крысы?

— Они здесь тоже хранятся.

Я прибавил скорость.

[КОРРЕКТИРОВКА БАЛАНСА]До изъятия: 00:29.

Каждая дверь пролетала мимо за долю секунды. В конце коридора сверкала красная лампа и стоял турникет, похожий на вход в метро. На табло за ним горело: «РЕЧНАЯ, 6».

Между нами и выходом шёл человек.

Обычный мужчина в жилетке курьера, с термосумкой на плече. Только шёл он задом наперёд, а его тень — впереди него, совсем в другую сторону. На груди у него висела пластиковая карточка со словом «ПРИЁМ».

Мужчина повернул голову слишком далеко, градусов на сто восемьдесят.

— Доставка по счету? — спросил он.

— Самовывоз, — ответил я.

— Документы.

Ника сжала мне локоть.

— Не отдавайте имя, — прошептала она.

Я показал ему свой напечатанный акт. Курьер лениво просмотрел бумажную ленту, и на его лице появилось выражение, знакомое каждому, кто когда-либо пытался получить разрешение на перепланировку.

— На этот объект наложен запрет прохода, — объявил он. — Вы же сами его демонтировали.

— А вы по какому адресу стоите?

— По служебному.

— Так мы тоже. Доступ одобрен. Если сомневаетесь, подавайте жалобу моему начальству. Там умеют долго отвечать.

— Как вас зовут?

— Не предусмотрено формой.

Курьер моргнул. Задняя часть его головы на мгновение стала прозрачной. Внутри вращались две крошечные стрелки, как на часах.

— Ненадлежащее заполнение, — сказал он с раздражением.

— Сочувствую. Дайте пройти.

В кармане его жилетки что-то зазвонило. Курьер принял звонок, отвернулся и застыл с видом человека, которому сообщили о проверке сверху.

Я не стал выяснять, существовал ли на том конце провода настоящий начальник. Мы с Никой проскочили турникет.

Прямо над дверью мелькнула надпись:

«РЕЧНАЯ, 6. СЛУЖЕБНЫЙ ВХОД. ЗА ОСТАНОВКУ НЕ СЧИТАТЬ».

Плитка сменилась холодным бетоном. В нос ударил запах картонных коробок и аптечного дезинфицирующего средства.

Я толкнул дверь — и ввалился в подсобку, заваленную детским питанием, коробками с бинтами и бесконечными упаковками салфеток.

На стене висел календарь: 17 сентября 2031 года.

Мы были в аптеке «Завтра».

Ника прижала палец к губам. Я услышал голоса из торгового зала.

Один принадлежал моей сестре.

— Я сказала, что никуда с вами не поеду. Если вам нужен рецепт, предъявите рецепт.

Я почти улыбнулся. Ладка. Даже перед лицом чего-то потустороннего она собиралась требовать рецепт.

Второй голос был мужским.

— Лада, это я. Успокойся.

Он звучал как мой собственный.

Я замер.

До изъятия: 00:16.

Снова тот же голос, ближе:

— Ты же просила купить молоко.

И затем тихий шорох пакета.

Я заглянул в щель между дверью и косяком.

В торговом зале стоял Максим Чернов.

Он был чуть бледнее меня. На его куртке не было разрыва от удара контролёра, зато возле виска тянулся белый шрам, которого у меня никогда не было. Тот же нос. Та же привычка держать плечи так, будто в каждую минуту ожидаешь, что тебя о чём-нибудь попросят. Даже ботинки той же модели.

В одной руке он держал пакет молока. В другой — телефон с треснувшим наискось экраном.

Мой телефон треснул под ногой контролёра. Потом снова оказался целым.

Значит, один из нас получил не всё обратно.

За прилавком стояла Лада. Рыжеватые волосы были собраны в небрежный хвост, белый халат висел поверх синей футболки колледжа. Я видел, как дрожат её пальцы, хотя голос звучал ровно.

Рядом с ней, у стойки с витаминами, ждала пожилая женщина в сером пальто и старомодной шляпе.

Та самая женщина, которая спросила меня про нулевой автобус.

В руках она держала чёрную папку.

— Максим, — произнесла женщина мягко, — ваша сестра обеспокоена. Представьтесь должным образом.

Другой я чуть повернул голову. На секунду мне показалось, что он смотрит прямо в щель, на меня.

— Я её брат, — сказал он.

У Лады в кармане завибрировал телефон.

Она взглянула на экран. Возможно, увидела мои пропущенные звонки. Возможно — уведомление, которое уже не могла прочитать. Но губы у неё побелели.

— Ты звонил мне две минуты назад, — сказала она.

— Конечно.

— Тогда скажи, что ты мне приказал сделать.

Мужчина промолчал на одно мгновение дольше, чем следовало.

— Запереть заднюю дверь, — ответил он.

Я почувствовал, как потеют ладони. Он помнил наш разговор.

— И не отдавать запасной ключ, — добавил он.

Лада медленно отошла от прилавка.

— Верно. Только я не рассказывала тебе, что сделала после звонка.

— Лада, не начинай.

— Что я сделала?

Пожилая женщина открыла папку. Внутри что-то прошуршало.

До изъятия: 00:05.

Я рванул дверь на себя.

— Не подходи к нему!

Второй Максим обернулся.

В его глазах промелькнуло такое человеческое, такое настоящее изумление, что у меня на мгновение пропала уверенность, кто из нас должен его испытывать.

Он смотрел на меня. Я — на него.

Две одинаковые пары глаз.

И ни одной разумной мысли.

— А-а, — сказала Лада. — Вот теперь мне очень нужен выходной.

До изъятия: 00:01.

Женщина в шляпе повернула к ней чёрную папку.

— Чернова Лада Андреевна, — произнесла она. — Просим пройти для окончательного расчёта.

[НАЧАЛО ИЗЪЯТИЯ]

. . .

Чайник за прилавком издал сухой щелчок.

Вода замерла в прозрачном окошке, не успев вскипеть.

Лампа над кассой вспыхнула и погасла. Женщина, выбирающая пластырь у дальней стены, превратилась в неподвижную фигуру с упаковкой в руке. Даже реклама на маленьком телевизоре зависла на улыбающемся лице человека, который явно не собирался умирать сегодня утром.

Из чёрной папки вылетела тонкая полоска бумаги. Она повисла в воздухе перед лицом Лады. Обычные часы застыли вместе с прохожими, но здесь продолжался другой отсчёт: не секунды, а решение, которое ещё можно было попытаться изменить.

Я увидел надпись:

ПОЛУЧАТЕЛЬ ИЗЪЯТИЯ: ЧЕРНОВА Л. А.

Основание: ближайшая живая связь плательщика ЧЕРНОВА М. А.

Статус взыскания: ВЫПОЛНЯЕТСЯ.

Лада вытянула руку — и её пальцы начали бледнеть.

Не как при потере крови. Как текст, который кто-то стирал ластиком с бумажного листа. Сначала исчезли линии на коже. Потом стали видны очертания полки сквозь её ладонь.

— Макс, — тихо сказала она.

Она произнесла это без вопроса. Просто позвала.

Я сделал шаг к ней.

Женщина в шляпе подняла ладонь, и воздух между нами затвердел. Я врезался в невидимую стену. Боль прошила рёбра.

— Изъятие уже начато, — сказала женщина. — Не мешайте сотруднику выполнять работу.

— Сколько у меня времени?

— У вас? Нисколько. У неё ещё несколько секунд внутреннего учёта.

Другой Максим стоял у витрины, сжимая молоко. Он смотрел на исчезающую руку Лады с ужасом, который не мог быть поддельным. Или мог. Последние десять минут подорвали мою способность отличать очевидное от невозможного.

— Кто ты? — спросил я.

— Это я хотел спросить, — ответил он.

Пожилая женщина достала из папки карандаш. Положила его поперёк ладони. Карандаш не падал, хотя её рука наклонилась.

— Вопрос о личности будет рассмотрен отдельно. Сейчас мы закрываем задолженность по отменённому исходу. Одна жизнь была возвращена, следовательно, одна жизнь должна быть удержана. Это простой баланс.

— Простой? Вы ведёте бухгалтерию человеческими трупами!

— Неверная формулировка. Трупы не входят в число платёжных единиц.

— Очень утешительно. У вас даже терминология отвратительная.

Женщина впервые посмотрела на меня внимательно.

— Вы уже использовали право возражения, Чернов. Не советую злоупотреблять исключением.

— А я не советую забирать мою сестру.

— Последнее предупреждение: не называйте её вашей. Именно эта связь является основанием для взыскания.

Мне стало холодно.

Ника сказала что-то похожее перед аптекой. Не сообщать второму себе, что я жив. Не подтверждать связь.

Один запрет я уже нарушил. А второму мне и без объяснений было нетрудно догадаться, что перед ним стоит вполне живой человек.

Чёрная бумажная полоса около Лады засветилась ярче.

[ПОДТВЕРЖДЕНИЕ СВЯЗИ]Добровольное признание родства плательщиком: ПОЛУЧЕНО.Приоритет взыскания: ВЫСОКИЙ.

— Спасибо за содействие, — сказала женщина.

У меня возникло стойкое желание поговорить с тем, кто придумал фразу «спасибо за содействие», — и обязательно без свидетелей.

Лада попыталась опереться на прилавок. Ладонь прошла сквозь деревянную поверхность.

— Макс, — сказала она, теперь уже испуганно. — Мне больно.

Другой я шагнул к ней.

— Не трогай! — рявкнул я.

Он остановился. Посмотрел на меня так, как я сам смотрел на людей, которые отдавали приказы, не объяснив причин.

— Ты вообще кто такой, чтобы мне приказывать?

— Твой худший день.

— Очень похоже, — ответил он. — Взаимно.

Ника тихо выругалась у меня за спиной. Для двенадцатилетней девочки у неё оказался вполне взрослый словарный запас.

— Они хотят, чтобы вы дрались, — сказала она. — Пока вы выбираете, кто настоящий, счёт закроют.

— И что, у нас есть другой вариант?

— Найти то, что они не могут посчитать.

Я посмотрел на свою сестру. На второй экземпляр себя. На женщину, для которой это, по-видимому, было обычным рабочим утром.

Две одинаковые личности. Два тела. Одна смерть.

Слова Ники ударили точнее, чем все советы, которые я получил от неё за день.

То, что они не могут посчитать.

— Слушай, — сказал я двойнику. — Когда ты сегодня проснулся?

— В шесть десять. А что?

Я тоже проснулся в шесть десять.

— Что ты ел?

— Ничего. Мама убрала хлопья на верхнюю полку.

Я невольно дёрнул щекой. У нас хлопья всегда лежали в нижнем ящике. А слово «мама» в настоящем времени звучало страннее любых рассказов о невидимых автобусах.

— Когда пропала наша мать?

Двойник нахмурился.

— Никуда она не пропадала.

В аптеке стало очень тихо.

Лада подняла голову.

— Что?

Другой Максим обернулся к ней с такой же растерянностью.

— А ты разве не знаешь?.. — начал он и осёкся.

Женщина закрыла папку с негромким хлопком.

— Достаточно. Посторонний разговор не имеет отношения к процедуре.

Теперь я понял, зачем ему дали молоко. Зачем он помнил часть разговора. Зачем оказался здесь раньше меня.

Он был не грубой копией, слепленной за минуту. У него была целая жизнь, в которой моя мать не исчезала.

А если верить Нике, Лады в той жизни не было вообще.

И вот что действительно страшно: он тоже, кажется, впервые увидел свою сестру.

Но не настолько впервые, чтобы не попытаться её защитить.

— У меня к вам вопрос, — сказал я женщине.

— Возражения не принимаются после начала изъятия.

— Это не возражение. Профессиональное уточнение. Как определяется плательщик?

Она вздохнула.

— По подтверждённому идентификатору субъекта, исход которого был отменён.

— То есть по моей личности.

— По личности Максима Андреевича Чернова.

— А если таких личностей сейчас две?

Её карандаш дёрнулся.

Совсем чуть-чуть.

Я заметил.

— Два человека с одним именем не образуют расхождения, — сказала она.

— Не с именем. С идентификатором.

Женщина перевела взгляд на второго Максима. Впервые — не как на предмет мебели. На её лице появилось раздражение.

— Второму носителю запрещено участвовать в разбирательстве.

— А ему кто-нибудь об этом сказал?

— Это не требуется.

— Вот и первая ошибка.

Она подняла карандаш. С пола взметнулись узкие бумажные полосы, и одна обвилась вокруг моей руки. Бумага оказалась твёрже металлической стяжки. Локоть хрустнул.

Я вскрикнул.

— Вы не понимаете, — прошипела женщина. — Приоритет определён. Здесь всё законно.

— Тогда вам несложно будет показать запись.

— Какую?

— Из реестра. Кому именно принадлежит долг. Дайте посмотреть идентификатор.

— Вы не обладаете соответствующим допуском.

— Зато вы обладаете. Прочитайте его вслух. С указанием номера.

Она ничего не сказала.

Двойник шагнул вперёд.

— Я тоже хочу знать.

— У вас нет права голоса, — отрезала женщина.

— А право на молоко есть? — спросил он, всё ещё сжимая пакет. — Или это тоже нужно согласовать?

В другое утро я бы, пожалуй, с ним подружился.

Только это утро никак не желало заканчиваться.

Я заметил, как бумажная лента на руке Лады трепещет. Чем дольше мы спорили, тем прозрачнее становилось её лицо.

— Ника, — прошептал я. — Мне нужно подтверждение. Не слова. Факт.

Она поняла сразу. Посмотрела на второго меня, потом на кассу и достала из кармана кусочек синей нитки.

На запястье у неё осталось два узла — один она, должно быть, уже потратила утром. Теперь второй развязался сам собой.

— За такое меня найдут, — сказала девочка.

— Нас уже разыскивают. Попробуй удивить меня новостью получше.

Ника встала между двумя Максимами и громко произнесла:

— Я свидетель. Здесь два живых человека, которые отвечают на одно и то же имя и помнят один и тот же день до его начала. Я видела обоих.

— Свидетельство отклонено, — сказала женщина. — Прежнее право подтверждения вами исчерпано.

— Я не подтверждаю исход. Я подтверждаю наличие людей.

— Недостаточно.

— Тогда нужны ещё доказательства, — сказала Лада.

Её голос был слабым, но руки уже перестали дрожать. Вернее, та рука, которая ещё оставалась видимой.

Сестра посмотрела на меня, затем на двойника.

— Подойдите оба.

— Лад, сейчас не время... — начал я.

— Мне сегодня один мужчина сказал, что он мой брат, второй — тоже. А третья дама пытается забрать меня без направления. Время для семейного разговора уже давно неподходящее. Подойдите.

Мы подошли к прилавку с разных сторон.

Женщина в шляпе попыталась отодвинуть нас. Ника бросилась ей под ноги, и на мгновение красная варежка прикоснулась к её ботинку.

Раздался звон, словно упала монета.

Женщина отдёрнула ногу. По подошве пошла тонкая голубая трещина.

— Свидетель номер семь, — очень тихо сказала она. — Вы нарушаете условия своего сохранения.

Ника побелела, но не отступила.

— Тогда оформите жалобу.

Лада положила ладонь на моё запястье. Второй рукой, наполовину исчезнувшей, коснулась запястья двойника.

Она училась на медика. Находить пульс умела даже во сне, хотя утверждала, что обычно ей снится преподаватель анатомии с пилой.

— У одного сто тридцать, — сказала она. — У второго почти столько же. Оба тёплые. Оба дышат. У обоих кровь в венах. И обоим по двадцать семь.

— Это не удостоверяет идентичность, — отрезала женщина.

— Зато удостоверяет наличие двух людей, — ответил я. — Осталось проверить, кому присвоен идентификатор умершего.

Я поднял свой акт демонтажа.

— Он подписан мной в шесть сорок три. Я на тот момент был жив. Вы зарегистрировали мою смерть в семь четырнадцать. Потом признали её недействительной. Согласны?

Женщина молчала.

— Молчание считается согласием? Очень рад, что мы разобрались.

Я кивнул на двойника.

— Этот человек заявляет, что он Максим Чернов. И, судя по всему, у него есть воспоминания, которых у меня нет. Вы утверждаете, что счёт выставлен единственному должнику. Вот вам два его носителя. Прежде чем забирать мою сестру, укажите, с какого именно берёте плату. Письменно.

Женщина сжала карандаш. Он сломался пополам, но обе половины остались висеть в воздухе.

— Вы требуете полной сверки?

— Да.

— Во время взыскания?

— Особенно во время взыскания.

— Вы не сможете отозвать заявление.

— Я работаю с городскими жалобами шесть лет. Я ни одну не смог отозвать.

Второй Максим тихо засмеялся. Смех сразу перешёл в кашель. Когда он убрал ладонь от рта, на ней осталось красное пятно.

Женщина обвела нас взглядом — одного, второго, Ладу, Нику.

Потом раскрыла папку на последнем листе.

Её улыбка исчезла окончательно.

— Называйте это своей победой, если хотите, — сказала она. — Но за сверку придётся отвечать всем присутствующим.

— Подтверждаю, — сказал я, хотя ещё не представлял, какую катастрофу сейчас подписываю.

На стене, между рекламой витаминов и таблицей давления, открылся узкий белый прямоугольник. На нём стали появляться строчки, похожие на строки служебного отчёта.

[ХОДАТАЙСТВО О ПРОВЕРКЕ СУБЪЕКТА]Основание: множественное подтверждение живых носителей одной личности.Свидетель 1: НИКА — ДОПУЩЕНА С ОГРАНИЧЕ-

НИЕМ.Свидетель 2: ЧЕРНОВА Л. А. — ДОПУЩЕНА.Материальное подтверждение: акт № 404–17, оформленный до планового исхода.Обнаружено несоответствие: ДВА НОСИТЕЛЯ / ОДИН ИДЕНТИФИКАТОР.

[ПРОТИВОРЕЧИЕ ПОДТВЕРЖДЕНО]Земля дрогнула.

Полки взвизгнули, словно по стеклу провели мокрым пальцем. Женщина в шляпе схватилась за прилавок. Полоса вокруг моей руки рассыпалась пеплом. Чёрная лента у лица Лады стала серой, оторвалась и медленно ушла вверх, растворившись в лампе.

Я увидел её пальцы. Все пять. Настоящие. С заусенцем возле ногтя и маленьким ожогом от сковороды, который она получила ещё на прошлой неделе.

[ВЗЫСКАНИЕ ПРИОСТАНОВЛЕНО]Причина: неустановленная первичность должника.Задолженность сохранена: 1 СМЕРТЬ.Срок до принудительной сверки: 24:00:00.Условие досрочного возобновления: устранение одного из двух носителей.Чайник за прилавком зашипел.

Женщина с пластырем у дальней стены снова задвигалась. По телевизору пошла реклама средства от насморка. Где-то на улице сердито загудел автомобиль.

Лада вцепилась в край прилавка, сделала глубокий вдох и осела на пол.

Я успел подхватить её.

— Ладка!

— Не ори, — ответила она в мою куртку. — Я два раза чуть не умерла за одну смену. Мне разрешено немного полежать.

— Один раз, — поправил я, ощущая, как у меня подкашиваются ноги. — За этот час у нас строго один раз на человека.

— Тогда ты свой лимит уже потратил, — сказала она.

Я обнял её крепче.

У меня никогда не получалось правильно говорить о важном. Сейчас тоже не получилось. Я просто сидел на полу аптеки и считал, как она дышит: раз, два, три. При каждом вдохе её плечо поднималось под моей ладонью.

Для меня этого было достаточно.

На несколько секунд.

Потому что другой Максим всё ещё стоял возле кассы. А женщина в серой шляпе никуда не делась.

. . .

— Итак, — сказала она, застёгивая папку. — Вы выиграли время. Не жизнь. Прошу не путать эти понятия.

Я поднялся, заслоняя Ладу.

— А вы проиграли одно взыскание. Прошу не путать это с моей благодарностью.

— Мы встретимся завтра в семь четырнадцать. Или раньше, если один из вас двоих перестанет существовать.

Она посмотрела на моего двойника с почти ласковым интересом.

— В таких обстоятельствах люди иногда ускоряют процедуру без нашей помощи.

— То есть вы предлагаете мне его убить? — спросил второй Максим.

— Я ничего не предлагаю. Лишь разъясняю последствия.

— Вы на редкость мерзкая женщина, — сказал он.

— Я не женщина.

— Тогда у вас есть шанс исправить хотя бы одну неточность в документах.

Она чуть наклонила голову, словно пытаясь понять шутку. Затем отвернулась.

— Ника. Вы помните ограничения своего допуска. Остался один узел.

Девочка спрятала руку в карман. Я успел заметить, что синяя нитка на её запястье теперь имела два узла вместо трёх.

— До завтра, Черновы, — сказала женщина.

Она шагнула к стеклянной витрине с термометрами. В отражении её тела на мгновение не оказалось — стояла только шляпа, надетая на пустоту. Потом отражение провалилось внутрь стекла, и женщина исчезла.

Обычная покупательница у дальней полки вопросительно посмотрела на нас троих.

— А где у вас обезболивающее?

— В моём отделе, — машинально ответила Лада с пола. — Но сначала скажите, от чего болит.

— Голова.

— Повезло вам, — сказал я.

Покупательница решила больше не разговаривать и ушла искать другого сотрудника.

Я посмотрел на часы. 07:16:19.

Минуты, в течение которых я не существовал, оказались самыми длинными минутами в моей жизни. Формально после начала смены прошло всего тридцать четыре минуты. Мозг категорически отказывался согласиться с этими цифрами.

На чёрном прямоугольнике вспыхнуло обновление.

[ЛИЧНОЕ ДЕЛО: ЛИШНИЙ]Ошибок, подтверждённых лично: 2.Ранг допуска: 0.Доступная функция: ПРОВЕРКА ФАКТА (I).Внимание: установление первичности носителя является обязательным условием завершения сверки.Предупреждение: любой подтверждённый носитель личности может быть признан расходным.

Мне не понравилось слово «расходным». Особенно в отношении собственного лица.

— Так, — сказала Лада, с усилием поднимаясь. — Давайте по порядку. Один Максим звонил мне. Второй принёс молоко. Третий, наверное, стоит где-то в очереди за справкой о психическом здоровье. Кто-нибудь собирается объяснять?

— Желательно без вранья, — добавил двойник.

— Ты начни, — сказал я.

Он осторожно поставил пакет молока на прилавок.

— Меня зовут Максим Чернов. Мне двадцать семь. Я живу на Коммунальной, двадцать два, квартира сорок один. Работаю городским техником. Сегодня утром в шесть сорок два должен был поехать на Северную. Вместо этого мне позвонила мама и попросила заехать за молоком.

Я почувствовал, как у меня напряглась челюсть.

— Мама?

— Да.

— Ирина Чернова?

— Да. Её ещё кто-то знает по имени?

Я схватил его за ворот куртки.

Вблизи он пах обычным человеком: стиральным порошком, холодным воздухом, дешёвым кофе. Никаких могильных цветов. Никаких химикатов.

— Где она?

Он не попытался вырваться. Только напряг плечи.

— Дома. Или на работе. Ты что, совсем не в себе?

— Она пропала девять лет назад.

— Не пропадала, — твёрдо сказал он. — Мы вчера вместе ужинали.

— Врёшь.

— Я бы предпочёл, чтобы ты был прав.

Лада коснулась моей руки.

— Макс. Отпусти.

Я разжал пальцы. На его шее осталось красное пятно от воротника.

Другой Максим поправил куртку и посмотрел на Ладу.

— Простите. Я не знаю вас.

Она застыла.

— Чего?

— Мне объяснили, что вас зовут Лада и вы работаете здесь. Я не знаю, почему у нас одинаковая фамилия. Но в моей семье никогда не было младшей сестры.

Он произнёс это с таким искренним смущением, будто извинялся за то, что сел не на своё место в автобусе.

Лада медленно опустилась на табурет. Её губы сжались в тонкую линию.

Мне хотелось ударить двойника. Не потому, что он сделал что-то плохое. Потому, что в его глазах была жизнь, в которой нашему дому не требовалась моя сестра, чтобы оставаться домом.

Ника вышла из-за стеллажа.

— Он из моей последовательности, — сказала она.

Мы все повернулись к ней.

— Значит, ты знаешь меня? — спросил двойник.

— Знаю, каким вы должны были быть.

— Обнадёживает.

— Не особо, — ответила она.

Лада подняла на девочку глаза.

— А ты кто?

— Ника.

— Не спрашиваю, как зовут. Спрашиваю, почему ты двенадцатилетняя девочка, которая знает про параллельные жизни, и почему у тебя руки холоднее, чем у моего холодильника?

Ника спрятала варежки в карманы.

— Потому что в моём месте сейчас зима.

В аптеке снова наступила тишина.

— Сентябрь, — сказала Лада.

— У вас.

Я потёр лицо ладонями. На большом пальце подсохла полоска крови от самореза. Ещё до автобуса я успел порезаться о железо. Этот порез казался единственным нормальным событием дня.

— Что будет завтра? — спросил я Нику.

— Придёт сверка. Им нужно выбрать, какая версия Максима Чернова будет считаться основной. Если к этому времени никто из вас не исчезнет, они сравнят события, воспоминания, людей, которые от вас зависят. А затем выбросят целую последовательность, чтобы привести баланс к одному ответу.

— Последовательность — это сколько людей?

Она не ответила.

— Ника.

— Иногда несколько. Иногда улица. Я однажды видела, как исчез целый район.

Другой Максим облокотился на прилавок.

— Извините, хочу уточнить: у вас совершенно случайно нет нормального полицейского участка, который занимается этим безобразием?

Я хмыкнул.

— Есть. Но, судя по уровню полномочий, им самим придётся писать заявление на чудовищ.

Лада встала. Её ноги ещё дрожали, но взгляд стал ясным.

— Закрываем аптеку на санитарный перерыв. Возьмём документы и уйдём в подсобку. И если кто-то попробует ещё раз исчезнуть, сначала пусть заполнит журнал происшествий.

Она заперла наружную дверь, повесила табличку «Технический перерыв» и щёлкнула выключателем витрины. Я впервые за день увидел человеческую инициативу, которая не была частью ловушки.

— Почему нельзя просто показать кому-то двух Максимов? — спросила она, когда мы скрылись за дверью склада. — Врачу. Полиции. Вечером телевидению. У нас теперь история на миллион просмотров.

— Потому что завтра они определят, чей мир настоящий, — сказала Ника. — А свидетели могут стать частью сверки. Чем больше людей увидит вас двоих, тем больше людей поставят под проверку.

— Замечательно. Не раскручиваем семейный бизнес.

Двойник достал телефон.

— У меня есть номер мамы. Может, она знает, что происходит.

Я выхватил у него аппарат прежде, чем он успел нажать вызов.

— Не звони.

— Верни.

— Если она действительно жива, мы сначала поймём, на чьей она стороне.

Он шагнул ко мне.

— На нашей. Она наша мать.

— Моей матери нет девять лет!

— А моей нет девяти лет как нет! — рявкнул он. — Ты думаешь, мне не страшно? Я пришёл за пакетом молока и узнал, что из-за меня хотят убить девушку, которую я никогда не видел. Потом появился человек с моим лицом, начал мне угрожать, а ребёнок сообщил, что мы оба можем быть уничтожены из-за каких-то бумаг. И при этом ты единственный, кому полагается злиться?

Я замолчал.

Потому что он был прав.

И это раздражало особенно сильно.

Лада встала между нами.

— Если вы оба — мой брат, то поздравляю. Теперь у меня два взрослых идиота вместо одного. Расходы увеличились, качество не изменилось.

Второй Максим впервые улыбнулся ей без натяжки.

— Ты правда всегда так разговариваешь?

— Только с близкими. Так что считай себя принятым на испытательный срок.

Он посмотрел на пакет молока, всё ещё лежавший на столе.

— Вроде я как раз принёс вступительный взнос.

И я понял, что Лада смотрит на него с тем самым упрямым состраданием, с которым обычно выслушивала пациентов, приходивших за обезболивающим без денег. Она не могла ненавидеть человека только за то, что у него было моё лицо.

Пожалуй, и я не имел на это права.

Мы договорились об одном: до выяснения обстоятельств называем второго Максима «Марк». Он долго возражал, потому что Марком его никогда не звали. Я предложил альтернативу — «Квитанция», и он сразу согласился.

Ника неожиданно рассмеялась. Коротко, тихо. Словно давно забыла, как это делается.

А потом у неё из носа пошла кровь.

Она быстро вытерла её красной варежкой, но я успел заметить.

— Эй. Ты как?

— Нормально.

— И я всё утро так говорю. У нас теперь клуб людей с сомнительным определением нормы.

Ника прислонилась к стеллажу. Под варежкой я увидел синюю нитку: утром на ней было три узла, теперь остался один.

— Один узел за каждое свидетельство, которое меняет исход, — сказала она, поймав мой взгляд. — Когда закончатся, меня вернут туда, откуда я вышла.

— Куда?

Она посмотрела на меня.

— В прошлый раз вы спросили то же самое.

В животе что-то болезненно сжалось.

— Сколько было прошлых разов?

— Достаточно, чтобы не считать их вслух.

— Ника...

— Сначала найдите, кто вы на самом деле. Потом спросите, сколько раз вы уже это делали.

Из её голоса исчезла детская интонация. На мгновение передо мной стояла не девочка с сухой лапшой, а человек, который слишком часто провожал кого-то умирать.

Я уже собирался задать следующий вопрос, когда мой телефон снова завибрировал.

На экране открылся городской реестр.

Сам. Без моего участия. Приложение техники адресных объектов больше не показывало карту и список табличек. Вместо них на чёрном фоне появился один архивный запрос.

[СЛУЖЕБНАЯ ВЫПИСКА ПО СВЯЗАННОМУ ЛИЦУ]Основание доступа: сверка носителей ЧЕРНОВА М. А.Связанное лицо: ЧЕРНОВА ЛАДА АНДРЕЕВНА.

Городской статус: ИСКЛЮЧЕНА.

Дата исключения: 17.09.2022.

Я не сразу понял дату.

Семнадцатое сентября. Ровно девять лет назад. День, когда наша мать не вернулась домой.

Ниже значился номер документа: № 0–17.

И фамилия исполнителя.

Основание исключения: АКТ КОРРЕКЦИИ СЕМЕЙНОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ.

Ответственный оператор: ЧЕРНОВА ИРИНА СЕРГЕЕВНА.

Статус оператора: ДЕЙСТВУЕТ.

Я медленно поднял глаза на сестру.

Лада тоже смотрела на экран. Лицо у неё стало серым.

— Макс, — произнесла она. — В тот день мама не пропала.

— Что?

— Она пришла домой вечером. Я помню. У неё были мокрые волосы, синие перчатки и бумажная папка. Она сказала мне не открывать дверь, что бы я ни услышала. А утром ты сказал, что она не вернулась с работы.

— Ты никогда мне этого не рассказывала.

— Потому что до сегодняшнего утра я не помнила.

Марк очень медленно отступил к стене. Он смотрел уже не на нас, а на экран собственного телефона.

Ему пришло сообщение.

От контакта, подписанного «МАМА».

Он повернул дисплей к нам.

«Не пускай его домой. Максим, которого ты встретил, уже однажды убил свою сестру».

И следом, через секунду, появилось второе:
«Если он начнёт спорить, спроси, почему в ту ночь в квартире было три детские кровати».
Я прочитал сообщение два раза.
У нас никогда не было трёх детских кроватей.
Во всяком случае, именно так я помнил.

ГЛАВА 3
Город под копирку

Мой двойник держал телефон так, словно тот мог взорваться.

На экране светилось сообщение от нашей матери — женщины, которую я девять лет считал пропавшей, а Марк видел вчера за ужином.

«Спроси, почему в ту ночь в квартире было три детские кровати».

— Ну? — спросил Марк.

— Что «ну»?

— Почему?

— Потому что в нашей семье, очевидно, действовала акция «третья кровать бесплатно». Откуда мне знать?

Лада сидела на перевёрнутом ящике с одноразовыми масками. Она уже перестала дрожать, но держала перед собой стакан воды обеими руками. По тому, как крепко её пальцы сжимали пластик, я видел: если сейчас кто-нибудь сообщит ещё одну семейную тайну, стакан первым не выдержит.

— В две тысячи двадцать втором тебе было восемнадцать, — сказала она. — Мне десять. Даже если кто-то купил лишнюю детскую кровать, это не объясняет, зачем они стояли у нас все вместе.

— Может, мать держала дома детский сад, — пробормотал я.

— Мы жили на двадцати семи квадратных метрах.

— Тогда подпольный детский сад. Городская экономика многое объясняет.

Марк убрал телефон.

— Мама не посылает такие сообщения без причины. Я ей позвоню.

— Не надо, — сказала Ника.

Девочка стояла в дверях подсобки. В одной руке — открытая пачка сухой лапши, которую она продолжала есть в самых неподходящих обстоятельствах. Другой придерживала красную варежку. На синей нитке у её запястья остался один узел.

— Ты всё время говоришь, чего нам нельзя, — заметил Марк. — Может, в твоём мире существует что-нибудь, что нам можно?

— Можно думать, прежде чем отвечать на звонки, — сказала она.

— Дорогая, — вмешалась Лада, — а ещё можно не разговаривать с людьми так, будто ты уже читала их некрологи. Мы вообще-то стараемся сотрудничать.

Ника посмотрела на неё долго и странно. Потом отвела взгляд.

— Если вы услышите её голос, — сказала она, обращаясь к Марку, — она узнает, что оба носителя находятся рядом. У неё есть доступ к вашим семейным связям. Это как сообщить контролёру, где лежит последняя незакрытая квитанция.

— Ты уверена? — спросил я.

— Нет. Я помню, что случилось, когда вы так сделали.

Я почувствовал холод под рёбрами.

— «Вы» — это я или он?

— Да, — ответила Ника.

Замечательный ответ. Весь наш день представлял собой собрание ответов, после которых человек перестаёт любить грамматику.

Лада поставила стакан.

— Хорошо. Маме не звоним. Что делаем вместо этого?

Она говорила так, словно впервые за это утро кто-то задал разумный вопрос. И, пожалуй, так оно и было.

— Сначала проверяем адрес, — сказал я. — Коммунальная, двадцать два, квартира сорок один. Где она у тебя?

Марк уставился на меня.

— В смысле?

— Ты там живёшь. И я там живу. Только у тебя там мать и нет сестры, а у меня сестра и нет матери. Уточняю, на случай если с недвижимостью произойдёт то же, что с родственниками.

— Четвёртый этаж. Окна во двор. Слева от подъезда магазин сантехники.

— Четвёртый, — медленно повторил я. — Окна на улицу. Слева хлебный киоск.

Лада потянулась за телефоном. Открыла карту города. Вбила адрес.

На экране появился дом, обозначенный номером двадцать два. Кирпичный, пятиэтажный. Сразу после обновления страницы половина здания стала серой, словно программа не могла решить, из какого материала его строили.

— Поверни, — попросил Марк.

Лада повернула карту.

Киоск исчез. Вместо него появился магазин сантехники.

Она повернула обратно.

Киоск вернулся.

— Вот, — сказал я. — Это уже не семейная ссора. Это ошибка с координатами.

На моём телефоне загорелся короткий служебный текст.

[СВЕРКА АДРЕСОВ]Объект: КОММУНАЛЬНАЯ, 22.Активных редакций: 2.Допустимое число действующих редакций: 1.Выравнивание адресной сетки: 07:40:00.

Я посмотрел на часы. 07:19.

Двадцать одна минута.

— Что такое «выравнивание»? — спросила Лада.

Ника принялась очень тщательно складывать пустую пачку лапши.

— Они делают так, чтобы на карте оставался только один дом, — сказала она наконец.

— А другой?

— Не был построен.

— И люди внутри?

Девочка не ответила.

— Потрясающе, — сказал Марк. — Нас в детстве заставляли убирать комнату. А здесь сразу весь дом.

Я открыл приложение городского реестра и попытался найти архивную выписку по Коммунальной, двадцать два. Вместо кадастрового номера появилось белое поле, а затем знакомое предупреждение.

[СЛУЖЕБНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ]Запрос объединённого адреса создаёт риск досрочной сверки носителей.Рекомендация: НЕ СОПОСТАВЛЯТЬ ИСТОЧНИКИ.

— Если система рекомендует чего-то не делать, — произнёс я, — обычно именно этим и нужно заняться. Особенно если рекомендация написана заглавными буквами.

— Куда ты собрался? — спросила Лада.

— К человеку, который умеет хранить старые карты.

— У тебя есть такой человек?

— Есть. Но она меня ненавидит.

Марк кивнул.

— Значит, давно знакомы.

Я впервые пожалел, что не могу просто ударить его без последствий для собственной самооценки.

. . .

Вера Рубцова владела копировальной мастерской в Гончарном переулке. В официальной трудовой биографии у неё значилось «специалист по широкоформатной печати». В неофициальной — «человек, который однажды запер проверяющего из муниципалитета в шкафу для чертежей».

Моё знакомство с ней началось четыре года назад, когда мне поручили снять старую адресную табличку на её доме. Вера предъявила мне акт о том, что табличка является единственным законным доказательством существования переулка. Я сказал, что это не моя проблема. Она ответила, что сейчас станет моей, и вызвала участкового.

В итоге табличка осталась. Я получил выговор. Вера — официальное уведомление о необходимости согласования вывески. С тех пор мы встречались раз в год на городских слушаниях и взаимно портили друг другу настроение.

В обычное утро я предпочёл бы встречу с зубным врачом без анестезии.

Но сегодня врач, скорее всего, попросил бы предъявить страховку на посмертное обслуживание.

Мы вышли из аптеки через заднюю дверь в 07:22.

Лада надела серую куртку поверх футболки и заперла подсобку на два оборота. Перед уходом она аккуратно поставила на полку бумажку: «При остром нарушении реальности обращаться к заведующей».

— Зачем? — спросил я.

— Потому что завтра меня спросят, почему магазин закрыт. Я предпочитаю правду. Её всё равно никто не читает.

Ника шла впереди. Марк держался справа от меня. Иногда он непроизвольно повторял мои движения: поправлял воротник, щурился на солнце, обходил лужи с одной и той же стороны. Это выводило из себя больше, чем его лицо.

На Речной стояло обычное сентябрьское утро. Кофейня открыла летнюю веранду, маршрутка высаживала пассажиров, у киоска мужчина спорил о цене сигарет. Только уличный указатель не мог определиться с названием. Когда я смотрел прямо, на нём было написано «РЕЧНАЯ». Когда отворачивался и ловил краем глаза — «ПРИБРЕЖНАЯ».

Я остановился возле перехода.

— Марк, что на табличке?

— Прибрежная. А что?

— Для тебя это Прибрежная?

— Всю жизнь была.

Лада схватила меня за рукав.

— Макс, не надо здесь выяснять, какой из нас настоящее издание. Смотри на людей.

Я посмотрел.

На противоположном тротуаре мужчина с собакой проходил мимо почтового ящика. Он вошёл в тень дерева и исчез. Через мгновение вышел оттуда снова — тем же шагом, но в другой куртке. Собака из белой стала чёрной. Мужчина даже не заметил изменений.

Ни один прохожий не закричал.

Потому что для них ничего не менялось.

— Выравнивание началось раньше времени, — сказала Ника.

— А ты обещала сорок минут, — возмутился Марк.

— Я ничего не обещала.

За остановкой раздался звон стекла. Из окна третьего этажа высунулась женщина и встряхнула половик. Пыль полетела вниз — и превратилась в мелкие чёрные буквы. Буквы осели на капоте машины, сложившись в слово «КОПИЯ».

Потом исчезли.

Я взял Ладу за руку. Она не стала вырываться.

Мы пошли быстрее.

На углу Коммунальной я увидел наш дом. Вернее, оба наших дома.

Они занимали одно место.

Если смотреть со стороны парка, стояла знакомая пятиэтажка с выщербленным карнизом, балконом соседей и хлебным киоском. Если со стороны остановки — белая панельная постройка с магазином сантехники. Между ними не было границы. Линия шла прямо по фасаду, и по обе стороны кирпич и бетон на мгновение существовали в одном кирпиче и одном бетоне.

— Не подходите, — сказала Ника.

Поздно.

Дверь подъезда распахнулась, и из неё вышла женщина в домашнем халате. Она несла мусорный пакет, завязанный зелёной ленточкой. Я узнал её сразу: тётя Тамара с третьего этажа. Женщина, которая семь лет подряд оставляла записки о том, что в подъезде пахнет чужой едой.

Марк тоже узнал её.

— Тамара Ивановна! — позвал он.

Она обернулась.

— Максим? — сказала тётя Тамара. — Ты чего не на работе? Мать опять с тобой поссорилась?

Марк сделал шаг к ней.

Я поймал его за куртку.

— Стой.

— Она знает маму!

— И, судя по всему, не знает Ладу. Ты хотел устроить ей допрос у мусорных баков?

Тётя Тамара переводила взгляд с одного моего лица на другое. Её губы шевельнулись без звука.

Тёмная линия на фасаде дома дернулась.

Прямо посреди дороги заскрипел металл. Из асфальта поднялась белая стойка, похожая на рулон бумаги на заводском держателе. С неё начала разматываться широкая полоса. Там,

где полоса касалась машин, автомобильные номера делались белыми. Потом стирались буквы на вывесках. Затем у стоящего рядом велосипеда исчезла половина колеса.

— Бежим! — крикнула Ника.

Марк вырвался и бросился к тёте Тамаре. Я хотел схватить его снова, но Лада опередила меня.

— Не трогайте его! — крикнула она женщине. — И сами уходите!

Тётя Тамара не двинулась. Она смотрела на нас обоих, как будто пыталась решить сложную задачу с единственным правильным ответом.

На асфальте под её ногами проступило:

[ВНЕОЧЕРЕДНАЯ СВЕРКА]Обнаружен новый свидетель противоречия двух редакций.Выравнивание адресной сетки: УСКОРЕНО.До первого прохода: 00:58.

Марк отступил.

— Это я сделал?

— Мы сделали, — ответил я. — Два идиота на одном адресе. Об этом нас уже предупреждали.

Белая полоса коснулась дверей подъезда. Двери стали плоским рисунком на стене.

Тётя Тамара моргнула — и перестала замечать нас. Она поправила завязку на пакете, повернулась и пошла по тротуару, где секунду назад стоял магазин сантехники.

— Она жива? — спросила Лада.

— Сейчас — да, — ответила Ника. — Пока бумага не дошла до её квартиры.

Я не стал дожидаться уточнений.

Мы побежали в Гончарный переулок.

. . .

Мастерская Веры открывалась в восемь утра. В 07:28 стеклянная дверь была заперта, а на ней висела рукописная табличка: «НЕ СТУЧАТЬ. Я ВИЖУ ВАС И ТАК».

Я постучал.

Изнутри послышались тяжёлые шаги. Открылась узкая щель.

— Чернов, — произнесла Вера. — Я предупреждала: ещё раз увидишь мою табличку с отвёрткой — я тебе эту отвёртку и оставлю на память. В животе.

— Рад вас видеть.

— Врать у тебя всегда плохо получалось.

Ей было около сорока пяти. Короткие седые волосы, очки на шнурке, чёрный фартук с надписью «НЕ СПРАШИВАЙ ПРО СКИДКУ». За её спиной виднелись стеллажи с рулонами кальки и старый широкоформатный копировальный аппарат величиной с холодильник.

— Мне нужны планы Коммунальной, двадцать два, за две тысячи двадцать второй год, — выпалил я. — Не цифровые. Бумажные. И желательно за пять минут.

— Прекрасно. А я хочу свою юность обратно и капитальный ремонт, но сегодня четверг, так что не складывается.

Марк выглянул из-за моей спины.

Вера посмотрела на него.

Потом снова на меня.

И ещё раз на него.

— У тебя, Чернов, настолько плохо с самооценкой, что ты решил ходить в двух экземплярах?

— Можно мы войдём? — спросила Лада.

Вера перевела взгляд на неё. В отличие от мужчин, после знакомства с Ладой люди обычно сразу начинали вести себя разумнее.

— Заходите, — сказала она. — Но если это розыгрыш, вы все оплачиваете моральный ущерб. Особенно несовершеннолетняя в варежках.

Мы вошли. Дверь заперлась за нами.

Вера вывела на прилавок тяжёлую бумажную книгу с прошитыми страницами. На корешке было написано: «Регистрационный журнал. Городские адреса. 2018–2023». Страницы пахли клеем и старым табаком.

— Почему не компьютер? — спросил Марк.

— Потому что компьютеру можно сказать, что вчера не было, и он согласится, — ответила Вера. — А бумагу надо хотя бы сначала украсть.

Я достал акт демонтажа № 404–17.

Она пробежала взглядом по цифрам и вдруг перестала язвить.

— Откуда это?

— С моей остановки.

— Зачем ты её снял?

— По наряду. Шесть сорок три. Я всё утро это повторяю разным инстанциям.

Вера провела пальцем по синей отметке, оставшейся на краю термоленты после моего возражения.

— Эту печать не ставят муниципальные диспетчеры.

— А кто ставит?

— Те, кто может сказать муниципальным диспетчерам, что их город не существует.

Я ждал, что она добавит шутку. Вера не добавила.

Вместо этого достала из нижнего ящика металлический ключ и открыла шкаф, наклеив на него старый календарь за две тысячи двадцать второй год.

— Я не спрашиваю, зачем вас двое, — сказала она. — Не потому что мне всё равно. Потому что однажды спросила. И потеряла четыре дня, которые никто, кроме меня, не помнит.

Она вытащила цилиндрическую тубу, запечатанную сургучом.

На сургуче был выдавлен номер «0–17».

Лада шагнула ближе.

— Тот же номер, что в мамином акте.

Вера вскинула голову.

— Какая мама?

— Ирина Чернова, — сказал Марк.

Туба упала у неё из рук.

Она успела поймать её у самого пола, будто там был не рулон бумаги, а младенец.

— Не произносите здесь это имя, — сказала Вера.

Поздно.

На потолке дважды щёлкнули выключенные лампы.

Из широкоформатного аппарата сам собой вылез сантиметр белой бумаги.

И ещё один.

Вера выругалась так, что Ника уважительно подняла брови.

— Мы привели за собой проверку? — спросил я.

— Нет, — сказала Вера. — Гораздо хуже. Вы дали ей адрес.

— Как это — дали адрес? — спросила Лада.

Вера бросилась к копировальному аппарату. Открыла боковую крышку, нащупала внутри рычаг и рванула на себя. Машина затихла. Белая лента перестала выползать — но только на секунду.

Затем она пошла снова.

— Невозможно, — сказала Вера.

— Мы сегодня часто произносим это слово, — заметил я. — Оно ни разу не помогло.

Вера повернулась к нам.

— Знаете, почему я сохранила старые планы? Потому что девять лет назад мой брат ушёл домой с работы, а наутро оказалось, что у меня никогда не было брата. Ни в одной базе. Ни в одной семейной фотографии. Даже мать не помнила, что его рожала.

Ника перестала жевать.

— Как его звали? — спросила она.

— Лев. — Вера сглотнула. — Я помню голос, привычки, как он неправильно произносил слово «эспрессо». В тот день я держала его за руку, когда всё вокруг начало меняться. Возможно, поэтому меня не переписало до конца. Но лицо уже не могу вспомнить. Пыталась нарисовать — каждый раз получался кто-то другой.

Она ударила ладонью по неподвижной крышке аппарата.

— А вот его подпись в журнале осталась. Бумажная. С чернилами, которые не спрашивают разрешения у городской сети.

Марк смотрел на неё без улыбки.

— Зачем вы нам это рассказываете?

— Чтобы вы поняли: я не собираюсь смотреть, как ещё кого-то делают опечаткой. Даже если это два Чернова по цене одного.

Она вскрыла сургучную печать тубы.

Внутри лежали три свёрнутых листа, перетянутых чёрной лентой. Два были жёлтыми от времени. Третий выглядел как пустое место между ними: я видел, что лента огибает какую-то толщину, но самой бумаги там не было.

Вера заметила мой взгляд.

— Тоже видишь зазор?

— Между листами что-то лежит.

— Именно поэтому я его не выбрасывала. Толщина есть, веса нет. И сколько ни пересчитывай, всегда получается два листа и пустота.

Она развернула первый чертёж на столе.

Перед нами был план дома на Коммунальной, двадцать два. Фасад с хлебным киоском. Четвёртый этаж, окна на улицу. Наш дом — мой и Ладин. Даже маленькая пристройка, которую соседи построили незаконно и о которой муниципалитет пять лет делал вид, что не знает, была на месте.

Второй лист — тот же адрес, тот же кадастровый номер, та же дата утверждения. Но панельный фасад. Окна во двор. Магазин сантехники.

— Два разных утверждённых плана одного дома, — произнёс я.

— Не двух домов, — поправила Вера. — Это важно. Одинаковый номер участка, одинаковые координаты, одинаковые подписи геодезистов. Только фасады не совпадают.

— Если оба оригинала, — сказал Марк, — значит, кто-то построил один дом и подделал другой.

— Именно так рассуждают люди, у которых не крали собственных братьев, — ответила Вера. — Я тоже раньше так рассуждала.

Она достала из ящика тонкую листовую кальку и наложила чертежи друг на друга.

Стены совпали только в одном месте. Под лестничной клеткой. Там, где на обычном плане была глухая перегородка, на другом имелся квадратный выступ.

— Подвал? — спросила Лада.

— Если бы это был подвал, — ответила Вера, — у него значилась бы глубина. А здесь вместо отметки уровня стоит ноль с перечёркнутой серединой.

Ника медленно отошла от стола.

— Это не подвал, — сказала она.

— Тогда что? — спросил я.

Она не ответила.

Снаружи завыла автомобильная сигнализация. Один раз. Потом второй. Потом длинным, непрерывным звуком.

Вера подошла к окну.

В Гончарный переулок въехала оранжевая муниципальная машина. На вид — обычный автомобиль дорожной службы, какие по ночам моют асфальт. Только вместо передних щёток у неё вращался огромный белый вал. Он не убирал грязь. Он наматывал на себя цвета.

Изображение пешеходного перехода отлипало от дороги и исчезало под валом. Лужи становились кругами на плоской белой поверхности. Кофейная вывеска сложилась гармошкой, как декорация из картона.

Машина ехала медленно, не больше двадцати километров в час. За ней оставалась улица, на которой всё выглядело почти нормально.

Почти.

Дома там были на один этаж ниже. У фонарей не было ламп. На месте булочной стояла глухая стена.

И ни одного человека.

— Где люди? — спросила Лада.

Вера не ответила.

На боковой двери машины я разглядел табличку.

«ОТДЕЛ ВЫРАВНИВАНИЯ. ПЕРЕПЕЧАТКА».

Из кабины вышел человек в оранжевом сигнальном жилете. Маленький, сутулый. Лицо скрывала защитная маска маляра, но вместо глаз у него было два узких отверстия, из которых тянулись полоски бумажной пыли. На плече он нёс длинный строительный уровень.

Он приложил уровень к стене соседнего дома. Пузырёк внутри стеклянной колбы сдвинулся в сторону.

— Неровно, — сказал человек.

Его голос дошёл до нас сквозь стекло, хотя двигатель за окном ревел так, что должны были дрожать рамы.

Он повернул уровень.

Дом зашатался и выпрямился. С его фасада исчез один подъезд.

— Вера, — сказал я, — сколько нам осталось?

На телефоне появилось:

[ПЕРЕПЕЧАТКА КВАРТАЛА]Источник расхождения: КОММУНАЛЬНАЯ, 22.Дополнительная точка привязки: ГОНЧАРНЫЙ ПЕРЕУЛОК, 8.До включения мастерской в зону выравнивания: 02:11.Порядок разрешения: оставить одну действующую редакцию адресной сетки.Две минуты одиннадцать секунд.

В комнате с четырьмя людьми, одним неизвестным свидетелем и тремя листами, один из которых отказывался существовать.

Я мысленно обратился к единственной своей сверхъестественной способности.

ПРОВЕРКА ФАКТА (I): ДОСТУПНА.

Осталось применений до следующего подтверждённого противоречия: 1.

— Мне нужны восемь секунд, — сказал я. — Вера, можно закрепить то, чего никто не видит?

Она посмотрела на пустоту между листами.

— Чернов, ты это спрашиваешь человека, который всю жизнь печатает документы, не глядя, что там написано. Конечно, можно. Если на бумагу когда-нибудь нажимали пером, на соседнем листе остаётся след.

— Если мы найдём невидимый лист, он станет доказательством?

— Только если кто-то сможет подтвердить его содержание независимо от тебя.

Она выдвинула из-под стола старую ручную пресс-машину. Тяжёлая чугунная рама, два прижимных валика и деревянная рукоять.

— Копирка, — сказала Вера. — Не та, что в канцелярии. Настоящая. Для технических кальк. Она берёт рельеф, а не картинку.

— Вы не говорили, что у вас такой музей, — заметил Марк.

— Я не обязана показывать тебе всё, что у меня старше тебя. Иначе мы здесь заночуем.

Снаружи что-то с грохотом ударилось о стекло.

На витрине прилип белый лист. На нём постепенно проступила надпись:

«ПРЕДПИСАНИЕ. ВОЗДЕРЖАТЬСЯ ОТ СРАВНЕНИЯ».

Ещё один лист приклеился к соседнему стеклу.

«НЕЗАВЕРЕННЫЕ СВИДЕТЕЛИ ПОДЛЕЖАТ ИСКЛЮЧЕНИЮ».

— Они очень любят предупреждения, — сказал я.

— Зато не любят квитанции, — ответила Лада и вытащила телефон.

Она набрала экстренный номер.

— Что ты делаешь? — спросил Марк.

— Сообщаю о дорожно-транспортном происшествии с муниципальной машиной. Она снесла переход, стены и полквартала. Если диспетчер не поверит, попрошу вызвать инспектора.

— Обычные люди не видят, что происходит.

— Зато обычные люди обязаны регистрировать вызовы. Когда в базе появляется номер происшествия, у адреса хотя бы есть временная привязка.

Я посмотрел на неё с гордостью, которую не смог скрыть.

— Вот поэтому я и покупаю тебе молоко.

— Ты ещё ни разу его не купил, — сказала Лада.

Марк поднял пакет.

— Вообще-то сегодня купил я.

— Вот поэтому, — уточнила она, — у меня теперь два брата. На одного можно хотя бы рассчитывать.

Собственный двойник выглядел счастливым. Я начал понимать, почему некоторые люди заводят себе соперников.

. . .

Мы разделили работу.

Лада осталась у телефона: регистрировать вызов, назвать адрес и удержать диспетчера на линии. Вера приготовила кальку и пресс. Ника встала у двери с единственным оставшимся узлом на запястье — она предупредила, что если придётся его развязать, домой её уже не отпустят.

Марк схватил металлическую стойку, на которой висели рулоны бумаги, и придвинул к витрине.

— От чего обороняемся? — спросил он.

— От канцелярских принадлежностей, — сказал я. — Сам не ожидал, что доживу до такого позора.

На улице человек с уровнем поднял голову. Его глаза — два отверстия в маске — остановились на нашем окне.

— Несоответствие выявлено, — произнёс он.

И пошёл к нам.

Машина за его спиной ускорилась.

Белая полоса побежала по стенам, превращая кирпич в гладкую бумагу. У крохотного деревца перед дверью стёрлась сначала кора, потом листья, затем само деревце стало тонкой серой линией. Линия исчезла.

Телефон в руке Лады пискнул.

— Алло? Диспетчер? Да, мне нужна полиция и, желательно, люди, умеющие разговаривать с дорожными службами. Адрес Гончарный, восемь. Нет, не розыгрыш. У нас здесь...

Она посмотрела на расползающуюся белизну.

— ...очень плохая уборка улицы.

Я положил ладонь на свёрнутые чертежи.

— Покажи, что из них исключили.

[ПРОВЕРКА ФАКТА (I)]Объект видимости: изъятый лист в пакете № 0–17.Осталось: 00:08.Мир не изменился целиком. Я увидел ровно одну вещь.Третий лист.

Он лежал между двумя другими и был совершенно реальным: желтоватая калька, надорванный угол, след от чашки. На листе красным карандашом выделен квадрат под лестничной клеткой. Внутри квадрата — три маленьких прямоугольника, выстроенных в ряд.

Детские кровати.

Внизу стояли подписи.

«Помещение 0. Объект временного размещения. Три места. Зафиксировано 17.09.2022».

В строке «Ответственный за передачу» — Ирина Чернова.

В строке «Получено» осталась пустота, но не обычная. Там был отпечаток, как от пальца, которым кто-то стёр свежие чернила.

— Четыре секунды! — сказала Ника.

— Вера! В середине, между планами! Край отогнут на три миллиметра. Пропускайте всё через пресс!

Вера не видела листа. Но видела зазор. Она сунула в него синюю копировальную плёнку, накрыла весь пакет чистым листом и провернула ручку.

Стальные цилиндры заскрипели.

На белой бумаге появились тонкие синие линии.

— Три секунды! — крикнула Ника.

Я читал как мог быстрее. Номер акта. Год. Подпись.

И совсем мелкие буквы в правом углу:

«Способ хранения: не удалять исходный экземпляр до окончания сверки девятого цикла».

Девятый цикл.

Я не успел осмыслить это словосочетание.

00:00.

Третий лист исчез.

Но под рукой Веры осталась синяя копия. Чёткая. С тремя кроватями, подписью Ирины и штампом, который за девять лет никто не смог стереть из рельефа бумаги.

— Получилось, — выдохнула Вера.

На витрине раздался треск.

Человек в оранжевом жилете вдавил строительный уровень в стекло. Оно не разбилось: просто превратилось в лист с нарисованным оконным проёмом.

За нарисованным окном двигалась белая волна.

Марк ударил стойкой по двери. Металл погнулся, но встал поперёк прохода. Человек с уровнем постучал в раму три раза, как вежливый посетитель.

— Документы на помещение, — произнёс он.

— Временно не принимаем, — сказал Марк.

— Право на нахождение подлежит сверке.

— Слышал. У меня самого сегодня такой день.

Мужчина приподнял уровень.

Левая рука Марка побелела от кисти до локтя. Не кожа — сама рука. Сначала исчезли линии ладони, затем ногти, затем весь локоть потерял объём. Она выглядела как вырезанная из бумаги детская аппликация.

— Макс! — крикнула Лада.

Я бросился к двойнику, ухватил его за плечо и отдёрнул от двери. Он вскрикнул. Рука на мгновение стала прозрачной. Потом цвета вернулись, но на пальцах остались чёрные полосы, похожие на следы копирки.

[ДОСРОЧНАЯ СВЕРКА НОСИТЕЛЕЙ]Предусловие: утрата одного из носителей — 12%.Вероятность растёт при продолжении перепечатки.

— Чёрт, — выдохнул Марк. — Я ничего не чувствовал.

— Это хорошо, — сказал я. — Боль у нас, как выяснилось, по отдельному тарифу.

Вера подняла копию.

— Документы на два дома у меня есть. Документы на третий лист тоже. Но этого мало: если просто показать им копию, они скажут, что она изготовлена без права регистрации.

— И что надо?

— Зафиксировать две несовместимые действующие редакции при независимом свидетеле. С указанием одного кадастрового номера и отсутствия акта закрытия любого из адресов.

— Говорите так, словно это не звучит совершенно безумно.

— Для тебя это просто работа, Чернов! Ты шесть лет ставишь галочки напротив несовпадающих табличек. Сейчас нужно то же самое, только на кону люди.

Я посмотрел на два утверждённых плана. На синюю копию. На испуганную сестру. На своего двойника, который всё ещё пытался разогнуть пальцы.

От неожиданности у меня даже прошла боль под рёбрами.

— Вера, у вас есть пустой бланк расхождений формы А-12?

— Ты издеваешься? У меня их три пачки. Каждый год заставляют печатать заново, потому что меняют положение графы «Причина».

— Дайте.

Она сунула мне бланк и синюю ручку.

Я заполнил две строки.

«Объект: Коммунальная, 22. Основание: утверждённые подлинные планы от 17.09.2022». Ниже: «Нарушение: два разных действующих здания с одним кадастровым номером». Ещё ниже: «Документ о закрытии одного из зданий отсутствует».

Третью строку оставил пустой.

— Нужен независимый свидетель, — сказал я.

Вера медленно сняла очки.

— Если я подпишу, они запишут и меня.

— Да.

— Я могу потерять не только магазин. Могут решить, что и я здесь лишняя.

— Да.

Она посмотрела на меня с удивлением.

— Ты мог бы солгать.

— Я умею. Только сегодня у меня все попытки оборачиваются взысканием с родственников.

Снаружи мужчина с уровнем перестал стучать. Он положил ладонь на дверь. На дереве появились тонкие строчки, будто дверь была страницей, которую начали читать.

«ОБЪЕКТ НЕ ЗАВЕРЕН».

«ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НЕ УСТАНОВЛЕНО».

«ИСКЛЮЧИТЬ».

Вера взяла ручку.

— Мой брат однажды сказал, что у всех нормальных людей в семье есть сумасшедший родственник, а у нас на эту должность никто не согласился. Я обещала, что подумаю.

Она расписалась.

«Свидетель: Рубцова Вера Павловна. Личность установлена».

Сердце у меня заколотилось.

— Лада, номер вызова!

— Семьдесят четыре — одиннадцать — триста восемь, — быстро сказала она. — Диспетчер спрашивает, сколько пострадавших.

— Ответь: пока ни одного. И очень хотим, чтобы так осталось.

Я вписал номер происшествия. Приложил к бланку копию из пресса, свой акт демонтажа и оба плана.

— Только где печать? — спросил я.

Вера кивнула на тяжёлый штамп возле кассы.

— В восемнадцатом году я ещё принимала муниципальные задания. У меня остался действующий регистрационный номер. Формально его так и не отменили.

Я поднял штамп.

— Даже удивительно, что они ничего не умеют отменять как следует.

— Отменяют прекрасно, — сказала она. — Только когда речь идёт о людях.

Я ударил штампом по бумаге.

Оттиск получился кривым. Как и следовало ожидать от государственного акта, который оформляли под обстрелом.

— Возражаю, — произнёс я.

Человек в оранжевом жилете остановился.

На секунду его строительный уровень застыл поперёк рамы.

— Основание? — спросил он.

— Город ведёт два действующих утверждённых плана одного адреса. Оба подлинные. Ни один не закрыт. Вы начали перепечатку, не выбрав законный исходный документ. Даже у вас в ведомстве нельзя снести дом без номера акта.

— Исходная редакция определена.

— Тогда укажите, какой оригинал вы признаёте недействительным. С номером распоряжения. Я хочу его проверить.

За маской послышалось частое шуршание.

— Доступ к распоряжению ограничен.

— Значит, предъявите выписку о закрытии второго плана.

— Выписка отсутствует.

— Ага. У вас план есть, снос начался, а основания для сноса нет. Я такое на работе видел. Обычно после этого приезжал прокурор.

Человек в жилете сделал шаг вперёд.

У него под ботинком исчез нижний край двери.

Марк заслонил Веру, хотя его собственная рука едва слушалась.

— А если он не примет? — прошептал он.

— Тогда у нас будет очень короткая карьера борцов с беззаконием.

Я поднял заверенный бланк обеими руками.

[ЗАПРОС В НЕЗАВИСИМЫЙ РЕЕСТР]Форма: А-12.Свидетель: РУБЦОВА В. П. — ПОДТВЕРЖДЕНА.Внешняя регистрация происшествия: 74-11-308 — ПОДТВЕРЖДЕНА.Действующие адресные редакции: 2.Правовых оснований для закрытия любой редакции: 0.

Оранжевый жилет задрожал, словно его наполнили ветром.

— Отказано, — произнёс человек.

[ОТКАЗ НЕ ПОДТВЕРЖДЁН ДОКУМЕНТОМ]

[ПРОТИВОРЕЧИЕ ПОДТВЕРЖДЕНО]Выравнивание приостановлено до проверки исходного реестра.Объект ГОНЧАРНЫЙ, 8: ВОССТАНОВЛЕН.Свидетель РУБЦОВА В. П.: ВНЕСЕНА В УЧЁТ.

Стена мастерской резко вздрогнула. Нарисованная дверь с треском стала деревянной. Стекло в витрине лопнуло — теперь по-настоящему. С улицы влетел холодный воздух и запах бензина.

Человек в жилете отпрянул. Его строительный уровень рассыпался на десятки маленьких красных линеек. Вал муниципальной машины заскрежетал, дёрнулся и остановился посреди дороги.

Куст возле тротуара вернулся не весь: теперь у него было всего две ветки. Но это были настоящие ветки. На одной сидела мокрая ворона и ругалась так, словно тоже работала в муниципалитете.

Из пустоты у кофейни проступил человек с двумя бумажными стаканами. Он смотрел на руки и явно не понимал, почему кофе успел остыть. За ним вернулись ещё двое прохожих. Не все: у стоянки по-прежнему зияло пустое место, в котором прежде стояла машина. Но люди возвращались.

Лада опустила телефон.

— Диспетчер попросила меня описать происшествие одним словом.

— И что ты сказала?

— «Бюрократия».

Я начал смеяться.

Не потому, что стало смешно. Потому что ноги больше меня не держали. Я опустился на пол среди разбитого стекла и несколько секунд не мог остановиться. Марк сел рядом. Мы посмотрели друг на друга — один с белым шрамом у виска, другой с порезанным пальцем — и оба одновременно выдохнули.

Впервые за утро что-то удалось спасти не ценой нового узла на Никиной руке.

Я сразу проверил её запястье.

Один узел.

Ника заметила мой взгляд и едва заметно кивнула.

— Вы научились, — сказала она.

— Чему? Портить жизнь городским учреждениям? Это у меня врождённое.

— Спасать людей, не заставляя их исчезать вместо вас.

Я хотел ответить шуткой, но на этот раз не смог.

. . .

Вера закрыла мастерскую изнутри стальной шторой. На часах было 07:42. Гончарный переулок оставался на месте, но на карте телефона его название теперь сопровождалось маленьким серым знаком вопроса.

— Пока нас не тронут, — сказала она, собирая осколки. — Им надо проверить два оригинала. На это уйдёт время.

— Сколько? — спросила Лада.

— Не знаю. Может, несколько часов. Может, до тех пор, пока кто-нибудь не принесёт третий оригинал и не объяснит, почему вы вообще существуете.

Мой телефон открыл личное дело.

[ЛИЧНОЕ ДЕЛО: ЛИШНИЙ]Ошибок, подтверждённых лично: 3.Ранг допуска: 0.ПРОВЕРКА ФАКТА (I): ДОСТУПНА ПОСЛЕ ПОДТВЕРЖДЁННОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ.До принудительной сверки носителей: 23:33:00.Задолженность: 1 СМЕРТЬ — НЕ ПОГАШЕНА.

Я посмотрел на последнюю строку и почувствовал, как облегчение сжимается до крошечной точки.

Мы остановили перепечатку. Счёт остался.

Вера разложила синюю копию рядом с двумя планами. Теперь можно было спокойно разглядеть третий лист, которого уже не было.

Три кровати.

Три места.

Один квадрат под лестницей.

Лада наклонилась, присмотрелась к цифрам масштаба и нахмурилась.

— Макс. Это вообще не наша квартира.

— Я знаю. Похоже на помещение под домом.

— Я не об этом. Смотри на размеры.

Она достала линейку. Провела вдоль стены.

— Пять сантиметров на плане — это два с половиной метра в реальности. Здесь указаны три детские кровати длиной по метру. Но у комнаты нет двери. Ни одного прохода. Они могли оказаться здесь только до того, как замкнули стены.

— Или после, — тихо сказал Марк.

Вера перевернула копию на свет. На обратной стороне проступил водяной знак, которого не было на двух обычных планах.

«АРХИВ ЗАПИСЕЙ, НЕ ВСТУПИВШИХ В СИЛУ».

— Это не кадастр, — прошептала она. — Я когда-то видела такой штамп. Подделанные документы не держат в этом архиве. Здесь хранят то, что ещё не случилось, но уже оформлено.

Ника резко подняла голову.

— Уберите лист.

— Почему? — спросил я.

— Потому что они не могут перенести через копирку то, чего ещё нет. Значит, где-то уже есть текст, который ждёт своего времени.

На аппарате Веры щёлкнул выключатель.

Она медленно обернулась.

Широкоформатная машина, которую мы остановили, снова заработала. Не из-за очередной атаки. На этот раз механизм двигался ровно, почти бесшумно, как обычная техника. В приёмный лоток выполз один лист плотной серой бумаги.

Вера осторожно подняла его двумя пальцами.

В верхней части стояло название:

«ЗАЯВЛЕНИЕ О ДОБРОВОЛЬНОМ ПРИЗНАНИИ ИЗЪЯТИЯ».

Ниже — адрес мастерской. Гончарный переулок, восемь.

И дата, которую я видел уже слишком часто.

17 сентября 2031 года.

Только время было будущим.

08:03:00.

До него оставалась двадцать одна минута.

Я читал дальше.

[СЛУЖЕБНАЯ КОПИЯ. ОЖИДАЕТ ПЕРВООБРАЗЦА]Плательщик: ЧЕРНОВ МАКСИМ АНДРЕЕВИЧ.Получатель изъятия: ЧЕРНОВА ЛАДА АНДРЕЕВНА.Основание: добровольное признание обязанности по исполнению баланса.Место оформления: ГОНЧАРНЫЙ

ПЕРЕУЛОК, 8.Время оформления: 08:03:00.Статус документа: ПОДГОТОВЛЕН К ПОДПИСАНИЮ.

Вера медленно опустила лист на стол.

— Это не приговор, — сказала она. — Это копия будущего бланка. Он ещё не вступил в силу.

— А откуда он знает, кто его подпишет? — спросила Лада.

Я уже видел ответ.

В нижней строке не было напечатано имени. Там находился отпечаток пальца — свежий, багровый, с тонкой белой полосой посередине.

Я поднял руку.

На большом пальце до сих пор оставался порез от самореза на остановке «Северная, 14».

Белая линия проходила точно там же.

Марк наклонился ко мне.

— Это не мой отпечаток, — сказал он.

— Вижу.

Ника стояла у закрытой двери. В её глазах впервые за всё утро появился страх, который она даже не пыталась скрыть.

— Макс, — сказала она. — В прошлый раз вы увидели этот документ и уничтожили его.

Я ждал продолжения.

— А потом? — спросил я.

Ника медленно посмотрела на Ладу.

— Потом он всё равно был подписан.

Мне стало трудно дышать.

И в этот момент большой палец на моей правой руке дёрнулся.

Сам.

На столе лежал чистый бланк, а рядом — красная штемпельная подушка. Я смотрел на них и вдруг понял с ужасной ясностью: какая-то часть меня уже знает, как поставить подпись.

[ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ПЕРВООБРАЗЦА]До оформления: 00:20:59.Ответственный субъект: ВЫ.

Вера выдернула штемпельную подушку у меня из-под руки.

— Теперь, Чернов, — сказала она, — мы будем проверять не город.
Она посмотрела на мой дрожащий палец.
— Теперь будем проверять тебя.

ГЛАВА 4
Подпись до события

Большой палец шевельнулся ещё раз.

Не сильно. Даже не особенно зловеще. Так дёргается мышца после удара током или долгого рабочего дня, проведённого с отвёрткой. Если бы не лист, на котором было указано точное время будущего убийства моей сестры, я бы просто списал всё на нервы.

Но палец настойчиво тянулся к штемпельной подушке.

— Лада, — сказал я, — у тебя в аптеке бывают пациенты, которые жалуются, что их руки сами подписывают документы?

— Обычно это называется ипотека. Дай сюда.

Она взяла мою кисть, повернула ладонью вверх и надавила на основание большого пальца. От боли я вздрогнул. Палец выпрямился, а через секунду опять согнулся — неторопливо, с деловой уверенностью человека, которому назначили встречу и который собирается прийти вовремя.

— Тебе больно? — спросила Лада.

— Нет, просто наслаждаюсь массажем. Ещё пара минут — и начну требовать чаевые.

— Макс.

— Когда нажимаешь — больно. Когда он движется сам — ничего не чувствую.

Лада повернулась к Вере.

— Есть бинт или изолента?

— Чернов однажды принёс мне заказ на двести метров изоленты для праздничного оформления районной управы, — сказала Вера. — С тех пор держу запас на случай, если государство решит снова украсить действительность.

Она вытащила из ящика широкий рулон. Лада примотала мой большой палец к указательному. Туго, профессионально, не оставляя коже возможности сместиться.

Мы все смотрели на мою руку.

Изолента натянулась.

Потом медленно поползла по пальцам, словно кто-то изнутри пытался вытолкнуть её наружу.

— Очень хорошо, — произнёс Марк. — Теперь у нас есть доказательство, что руки у тебя наглее, чем хозяин.

— Ты ещё не видел ноги.

Марк не улыбнулся. Он смотрел на серую бумагу с нашим именем и чужой волей.

Ника осторожно подошла к столу. В красных варежках она выглядела как ребёнок, заблудившийся на собрании взрослых, которые отказываются признать, что ничем не лучше детей.

— Не пытайтесь его отрезать, — сказала она.

Я поднял голову.

— Палец?

— Путь к подписи. Если запретить ему одно движение, он найдёт другое. Вы уже пробовали.

— Когда?

Девочка смотрела на лист. Один узел на синей нитке у запястья касался края варежки.

— В другом разе. Вы сломали себе руку. Тогда подпись появилась на документе вашим почерком, хотя вы не могли держать ручку.

Вера убрала красную подушку в металлический ящик, заперла его и положила ключ в карман.

— То есть нам предъявили добровольное согласие, которое человек физически не может не дать, — сказала она. — Я правильно понимаю?

— Вы очень быстро учитесь, — ответила Ника.

— Не льсти мне, девочка. Я двадцать лет работаю с заказчиками, которые говорят: «Мне это нужно было ещё вчера», — и считают, что время от этого должно перемотаться назад. Просто у ваших заказчиков получилось.

Марк потянулся к листу, но Вера накрыла его линейкой.

— Не трогать. Мы уже выяснили, что бумага помнит больше, чем люди.

— Тогда сожжём.

— Сожжём копию, — поправила она. — Подлинник появится в восемь ноль три. И если я правильно понимаю устройство этого кошмара, именно на него ссылается копия, а не наоборот.

Я посмотрел на часы.

07:43.

Двадцать минут назад время у нас измерялось секундами. Сейчас двадцать минут казались неисчерпаемым богатством. Впрочем, примерно так же человек думает о зарплате в день её получения.

Вера присела перед столом и наклонила лист к свету. Багровый отпечаток на нём чуть блестел. Я сравнил рисунок линий со своим большим пальцем: дуга, раздвоение, тонкий порез от самореза, оставленный на Северной.

Идентичность была до неприличия высокой.

— Вы же не верите, что я захочу это подписать? — спросил я.

Никто не ответил.

Даже Лада.

И только через мгновение я понял почему. Никто из них не мог гарантировать, каким я стану через двадцать минут.

— Я тебе не позволю, — сказала сестра.

— Ты ещё не видела, как я заполняю квитанции. Меня вообще нельзя подпускать к документам.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Она перевела взгляд на красный отпечаток.

— Тогда поклянись.

На этом слове Ника резко схватила её за запястье.

— Не надо.

— Почему?

— Потому что здесь нельзя ничего обещать.

Тишина стала такой плотной, что было слышно, как в закрытой за стальной шторой мастерской остывает широкий печатный вал.

Вспомнился телефонный разговор с Ладой у остановки.

«Через пятнадцать минут ты перезваниваешь. Обещай».

«Обещаю».

И сухой голос в трубке, чужой, близкий:

«Обещание зарегистрировано».

Я обернулся к Нике.

— Слушай. В семь ноль шесть я обещал перезвонить Ладе через пятнадцать минут.

— Вы не перезвонили, — сказала она.

— Я был занят. Сначала умер, потом оспорил смерть, после чего выяснилось, что у меня есть запасной я. В расписании образовалась незначительная заминка.

— Вы не перезвонили, — повторила Ника.

— Понятно. Для тебя это важнее автобуса.

— Для реестра обещаний тоже.

На моём телефоне возникло знакомое чёрное поле. На этот раз буквы появлялись медленно, словно кто-то не хотел, чтобы я успел прочитать всё сразу.

[НЕИСПОЛНЕННОЕ ЛИЧНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО]Субъект: ЧЕРНОВ М. А.Формулировка: «ОБЕЩАЮ».Зарегистрировано: 07:06:42.Срок исполнения: 07:21:42.Исполнение: НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО.Обязанность сохранить волеизъявление: ДЕЙСТВУЕТ.

Я перечитал последнюю строку.

— Что значит «сохранить волеизъявление»?

— Когда вы обещали, вы хотели это выполнить, — сказала Ника. — Реестр запомнил не только слова. Он запомнил ваше намерение.

— Я хотел перезвонить сестре. Не хотел, чтобы её убили.

— А намерение не знает, что у него изменили адрес.

На экране добавилась строка.

Предварительный объект исполнения: ЗВОНОК ЧЕРНОВОЙ Л. А.

Текущий объект исполнения: ЗАЩИТА БЛИЖАЙШЕЙ ЖИВОЙ СВЯЗИ.

Марк выругался.

Вера медленно села на табурет.

Лада смотрела на меня, словно пыталась разглядеть в моём лице того брата, который несколько часов назад обещал принести молоко и больше ничего.

— Они взяли «я хочу тебя защитить», — прошептала она. — И сделали из этого подпись.

— Пока ещё нет, — сказал я.

Палец под изолентой снова дёрнулся.

— Но очень настойчиво предлагают.

. . .

В 07:45 мы провели эксперимент.

Вера положила на стол три чистых бланка, отодвинула серую копию на дальнюю полку и поставила передо мной обычную шариковую ручку.

— Напиши своё имя, — сказала Лада.

Я написал «Максим Чернов». Почерк у меня был таким, словно буквы пытались сбежать от школьного учителя через забор. В этом отношении ничего не изменилось.

— А теперь напиши, что не согласен на изъятие Лады.

Я вывел: «На изъятие Черновой Лады Андреевны не согласен».

Большой палец остановился.

На три короткие секунды мне показалось, что мы нашли решение.

Затем чернила на листе поплыли. Не растеклись — перестроились. Буквы собрались в узкую чёрную строку:

«НЕ СОГЛАСЕН — ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЗЫВ БЕЗ РЕГИСТРАЦИИ».

Слова стали бледными и исчезли.

[ОТКАЗ В ПРИЁМЕ]Документ не зарегистрирован во внешнем реестре.Приоритет: ниже ранее зафиксированного волеизъявления.

— Замечательно, — сказал я. — Даже наше право сказать «нет» требует талончика.

Вера уже рылась в шкафу. Выдвигала ящики, снимала с полок тяжёлые папки и сердито бормотала слова, которые не следовало повторять рядом с Никой. Наконец вытащила потрёпанный сборник муниципальных форм с датой на обложке: 2018.

— Есть форма, — сказала она. — Заявление об отзыве согласия до момента исполнения. Не самая распространённая. По ней люди раньше отзывали разрешения на снос, обработку персональных данных, передачу квартир в собственность. Важное слово — «до».

— Мне подходит. Снос квартиры и снос сестры выглядят достаточно родственными процедурами.

— Дурака не валяй. Отзыв должен быть зарегистрирован независимой инстанцией до того, как появится подлинник. Не у меня. Мой штамп фиксирует происшествия, но не волю человека.

— А где эта инстанция?

— В Центре муниципальных услуг на Садовой. У них отдельный узел приёма. Старый. Его не закрыли даже после перехода на электронные заявления.

— Садовая, пятнадцать, — сказал я. — Восемьсот метров. Там ещё автомат с номерками, который зависает каждые два дня.

Вера посмотрела на часы.

— Открываются в восемь.

— Прекрасно. Я с рождения хотел умереть в очереди за талоном.

— У тебя будет три минуты после открытия.

Она бросила мне чистый бланк. Тот шуршал и пах дешёвой типографской краской. На первой строке значилось «Заявление об отзыве предварительного согласия». Под заголовком — графы для имени, адреса, описания обязательства и основания отзыва.

— А если они скажут, что согласия ещё нет? — спросил Марк.

— Тогда мы потребуем зарегистрировать отказ в его принятии, — ответил я. — Бумагу из будущего они уже напечатали. Пусть теперь объяснят, зачем она нужна, если никакого согласия быть не может.

— Неплохо, — сказала Вера.

— Впервые за утро мне кажется, что моё высшее образование не было ошибкой.

— У тебя нет высшего образования, — напомнила Лада.

— Вот именно.

Сверху глухо ударил копировальный аппарат.

Мы обернулись.

Вера отключила его от сети после атаки. Вилка с двумя медными штырями лежала на прилавке, на виду у всех. И всё равно аппарат печатал.

Из валов выползла полоска кальки. На ней проступили пять узких клеточек, будто на бланке обходного листа.

В первой стояло «МЕСТО».

Во второй — «ВРЕМЯ».

В третьей — «ПЛАТЕЛЬЩИК».

В четвёртой — «СВИДЕТЕЛЬ».

В пятой, самой широкой, — «СОГЛАСИЕ».

Четыре первые клетки окрасились чёрным.

Пятая оставалась белой.

— Вот, — сказала Вера. — Пока пятая пустая, они обязаны что-то из тебя получить.

— А если я не дам?

За стальной шторой кто-то постучал.

Не в дверь, а в металл. Три осторожных удара, словно вежливый сосед просил сделать музыку потише.

Из-за шторы послышался женский голос:

— Максим Андреевич? Вас ожидают для оформления документов.

Я узнал голос раньше, чем понял, кому он принадлежит.

Пожилая женщина с остановки. Шляпа. Серое пальто. Чёрная папка, из которой уже пытались забрать Ладу.

— Рабочий день начинается в восемь, — громко сказал я. — Приходите с заявлением и запасом терпения.

— Ваш рабочий день, Максим Андреевич, начинается там, где заканчивается ваша жизнь.

— За эту фразу в отделе кадров вам бы дали премию.

Вера погасила свет.

— В задней стене есть противопожарная дверь, — прошептала она. — По двору выйдете к Садовой. Только быстро.

Лада подняла сумку.

— Все вместе.

— Нет, — сказала Вера. — Кто-то должен остаться здесь. И зафиксировать, что именно произошло в восемь ноль три. Иначе по бумаге вы можете оказаться одновременно в двух местах, а проверять будет некому.

Марк посмотрел на свою повреждённую руку. Чёрные полосы на пальцах стали темнее.

— Останусь я.

— Нет, — ответил я слишком резко.

— А почему? Меня в реестре тоже зовут Максим Чернов. Если потребуется свидетель, я смогу объяснить, чем один отличается от другого.

— Тебя нельзя оставлять у них в руках.

— У них уже половина моей руки.

Лада шагнула между нами.

— Я остаюсь. Вера знает документы, я умею поддерживать связь. А вы двое идите туда, где придётся доказывать, что вы разные люди.

— Лада...

— Если ты сейчас начнёшь решать за меня, кого и где убьют, я напишу отдельное заявление. О принудительном отстранении старшего брата от управления моей жизнью.

Я смотрел на неё. На запястье оставались серые следы от того места, где утром пальцы начали исчезать. Она заметила мой взгляд и спрятала руку в карман.

— В этот раз я хочу сама выбирать, — сказала она тише.

Марк открыл рот, но я остановил его движением руки.

— Хорошо. Ты остаёшься с Верой. Заприте дверь. Если серое пальто зайдёт, не спорьте с ней и ничего не подписывайте.

Лада неожиданно усмехнулась.

— Ты только что попросил меня не спорить с чиновницей.

— Да. Похоже, конец света действительно наступил.

Ника натянула варежки до локтей.

— Нам пора.

В 07:49 мы вышли через противопожарную дверь во двор. Я, Марк и девочка с последним синим узлом.

За спиной стальная штора снова глухо задрожала.

— Чернов, — донёсся голос женщины, — государственные услуги оказываются по месту регистрации.

Я не обернулся.

— Значит, у нас с вами впереди увлекательный спор о территориальной подсудности.

. . .

В обычный день от Гончарного до Садовой я шёл десять минут. Если срезать через двор за почтой — семь. Если бежать — четыре, но к этому времени организм уже начинал подавать на меня в суд.

Мы выбрали бег.

За воротами двора солнце било прямо в глаза. Город выглядел удивительно обычным: женщина выгуливала таксу, подросток ел пирожок, возле шиномонтажа двое мужчин обсуждали двигатель, словно устройство мира по-прежнему сводилось к тому, как устроен автомобильный мотор.

А на кирпичной стене кто-то вывел огромными буквами:

«ПОДПИСЫВАЙТЕ НЕ ГЛЯДЯ».

Я видел надпись и в тот же миг переставал её видеть. Мозг старательно подменял слова обычным рекламным лозунгом шиномонтажа.

— Ты тоже видишь? — спросил я Марка.

— Да. Очень похоже на инструкцию к моему трудовому договору.

Мы нырнули в арку.

В тот же миг звук улицы оборвался.

Не затих. Исчез, словно кто-то выдернул наушники из ушей города. Я остановился, упёрся ладонью в кирпич и почувствовал, как под пальцами шевелится раствор.

Перед нами тянулся узкий двор, которого я не знал. Слева — пожарная лестница. Справа — ряд одинаковых окон, занавешенных белым. На каждом подоконнике стояла одна и та же чашка со сколотой ручкой.

В конце двора была ещё одна арка.

— Нам туда, — сказал Марк.

Мы пробежали к ней и вышли... к той же пожарной лестнице.

С теми же окнами.

С той же чашкой.

Я посмотрел назад. Арка, через которую мы вошли, теперь находилась перед нами.

— Это что, петля? — спросил я.

— Скорее очередь, — сказала Ника.

На кирпичах прямо под моими пальцами начали проступать тонкие чёрные линии. Они сползали вниз и собирались в клетки таблицы.

[ПРОХОД ЧЕРЕЗ НЕЗАКРЫТОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО]Назначение маршрута: МЕСТО ОФОРМЛЕНИЯ.Альтернативный выход: НЕ ПРЕДУСМОТРЕН.Ожидаемое время возвращения: 08:03:00.

— Нас разворачивают обратно в мастерскую, — сказал Марк.

— Они не имеют права, — ответил я.

— Макс, ты уже умер один раз. Давай хотя бы сегодня перестанем говорить, на что они имеют право.

Он был прав. Впрочем, не впервые, что делало проблему хронической.

Я подошёл к ближайшему окну. За занавеской угадывался силуэт мужчины, сидящего за столом. На столе лежал телефон. Мужчина поднимал трубку, произносил беззвучное «алло» и опускал её.

Повторял.

Поднимал. «Алло». Опускал.

Только теперь я заметил: лицо у него было моё.

Я отпрянул.

В соседнем окне сидел другой я. В рабочей куртке. Он заполнял бланк, с силой нажимая на ручку, но строка оставалась пустой.

В третьем окне я лежал под белой простынёй.

— Не смотри, — сказала Ника.

Я уже смотрел.

Под простынёй шевельнулась рука. На большом пальце тянулся тонкий порез.

— Это не люди, — сказала Ника. — Это способы, которыми вы пытались исполнить обещание. Неудавшиеся. Здесь их держат, пока они не приведут вас к нужному выходу.

— Откуда ты знаешь?

Она не ответила.

На стекле ближайшего окна появилась надпись: «ВЫ ОБЕЩАЛИ ВЕРНУТЬСЯ».

— Я обещал позвонить, — сказал я вслух. — Это разные вещи.

Надпись мигнула.

«ОБЕЩАЛИ ИСПОЛНИТЬ».

— Обещание исполнить нельзя превратить в разрешение убить человека. Даже у вас в отделе должны понимать разницу между глаголами.

От второго окна отделилась тень.

Она выглядела как человек в сером деловом костюме, только вместо лица носила прямоугольную белую табличку. На ней было напечатано: «СОГЛАСОВАНО». Табличка поворачивалась к нам каждый раз, когда кто-то из нас двигался.

— Уточнение предмета обязательства не влияет на обязанность исполнить, — произнесла тень.

— А уточнение моей любви к свободе слова повлияет на твоё самочувствие? — спросил Марк.

Тень вытянула руку.

Свет в окнах погас сразу в трёх местах. В следующую секунду все окна открылись, и из них начали выпадать листы бумаги. Сначала медленно, будто рекламные листовки. Потом потоком, лавиной. Сотни бланков с незаполненными полями «Согласен», «Подтверждаю», «Претензий не имею».

Бумага билась о кирпич, цеплялась за одежду. Один лист обернулся вокруг моей шеи и стянулся, как мокрый ремень.

Я упал на колено.

Марк схватил лист обеими руками. Его повреждённая левая кисть снова начала белеть, но он дёрнул бумагу так, что та лопнула. На шее остался обжигающий след.

— Ты бы заодно, — прохрипел я, — мог вырвать и гланды. Всё равно давно собирался.

— Сначала подпись отмени, потом медицинские процедуры.

Тень шла к нам не спеша. На её табличке слово «СОГЛАСОВАНО» сменилось словом «ДОБРОВОЛЬНО».

Моя правая рука рванулась вперёд. Изолента порвалась по шву. Пальцы принялись искать что-то, на что можно было поставить оттиск. Они тянулись к собственному горлу — к красному следу, оставленному бумажным ремнём.

Я схватил правое запястье левой рукой.

— Похоже, им не нужна штемпельная подушка, — сказал я.

— Макс, — крикнул Марк, — дверь!

— Где?

— У пожарной лестницы! В моей версии здесь выход из двора!

Я посмотрел на глухую кирпичную стену.

— У тебя там дверь?

— Была. Возле водостока. Я здесь срезал дорогу до колледжа, когда мать просила забрать документы.

Он бросился к стене и принялся ощупывать раствор. Пальцы скользили по кирпичу, а тень приближалась.

— У меня нет права её видеть, — сказал Марк. — Она принадлежит твоему двору. Точнее, тому двору, который сейчас стёрли.

Я услышал в этих словах противоречие.

Марк помнил выход, которого не было на виду. Я знал адрес, по которому должен вести двор. И у нас обоих было по половине карты.

На телефоне вспыхнуло:

[НОВОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ ПОДТВЕРЖДЕНО]Объект: ПРОХОД МЕЖДУ ГОНЧАРНЫМ И САДОВОЙ.Реестровое назначение: СКВОЗНОЙ.Фактическое назначение: ЗАМКНУТЫЙ.ПРОВЕРКА ФАКТА (I): ДОСТУПНА.

— Ника, отсчитывай! — крикнул я.

— Я не могу остановить время!

— Просто считай до восьми, пока всё остальное старается меня задушить!

Я сосредоточился на стене.

«Покажи исключённый проход».

[ПРОВЕРКА ФАКТА (I)]Объект видимости: закрытый проход САДОВАЯ, 15.Время видимости: 00:08.Раствор между кирпичами стал прозрачным.

В стене проступила узкая металлическая дверь, закрашенная в тот же цвет, что и кладка. Над ней висела табличка «ВЫХОД ДЛЯ ПЕРСОНАЛА». Под табличкой — маленький считыватель магнитных пропусков.

— Семь! — выкрикнула Ника.

Я схватился за ручку. Заперто.

— Шесть!

— Нужна карта! — сказал Марк.

— У меня нет карты этого двора!

— Пять!

Я вытащил свой служебный пропуск техника адресных объектов. Пластик, потерявший два угла и последний остаток достоинства. Приложил к считывателю.

Красная лампочка.

[ОТКАЗ В ДОСТУПЕ]Право на вход: ОТСУТСТВУЕТ.

— Четыре!

— Мне и не нужен вход, — сказал я сквозь зубы. — Я сейчас оформляю выход.

Я повернул пропуск обратной стороной. Там мелкими буквами значилось: «При утрате доступа удостоверение подлежит возврату». Я вытащил из кармана свой акт демонтажа № 404–17, тот самый, который после автобуса пережил больше, чем хороший бронежилет. Прижал термоленту поверх пропуска.

— Три!

— Объект снят с учёта, — произнёс я. — Доступ по нему прекращён. Значит, выпускать меня вы обязаны. Или у вас дважды будет числиться один и тот же сотрудник в одном дворе.

Считыватель затрещал.

[ЗАПРОС: ВЫХОД БЕЗ ПРАВА ВОЗВРАТА]Основание: акт № 404–17.Решение: ДОПУСТИТЬ.

— Две!

Замок щёлкнул.

Я рванул ручку, пропустил Нику и Марка впереди себя. Тень уже тянулась к воротнику. Её белая табличка уткнулась мне прямо в лицо.

— Вы согласились, — сказала она.

— На выход. Читайте мелкий шрифт.

Я ударил дверью.

На последней секунде видимости что-то тяжёлое врезалось в металл с другой стороны.

Мы вывалились на обычный тротуар Садовой.

Звук города обрушился на нас разом. Клаксон. Лай собаки. Ругательство водителя. Пахло горячими булочками и мокрым асфальтом. Никогда ещё обычная уличная грязь не казалась мне настолько прекрасной.

Марк прислонился к стене. На его левой руке белизна отступила, оставив ещё одну чёрную полосу — на этот раз у основания мизинца.

— Твоя версия города, — выдохнул он, — очень не любит гостей.

— Твоя зато отлично знает короткие дороги.

Ника нагнулась, уперев руки в колени. Она дышала часто, и в её глазах были слёзы. Но последний узел оставался на месте.

Я посмотрел на часы.

07:57.

Мы потеряли восемь минут в дворе, которого не существовало.

А МФЦ открывался через три минуты.

В конце Садовой уже виднелась зелёная вывеска Центра муниципальных услуг.

Над входом электронные часы показывали 08:04.

Мои часы — 07:57.

— Только не говорите, что мы опоздали, — сказал Марк.

На стеклянных дверях Центра распечатывалась табличка. Буквы появлялись по одной, как на чеке:

«ПО ТЕХНИЧЕСКИМ ПРИЧИНАМ ПРИЁМ ГРАЖДАН ПРИОСТАНОВЛЕН ДО 08:04».

— Нет, — сказала Ника. — Они торопятся раньше нас.

— Это у них профессиональное, — ответил я.

И побежал к дверям.

. . .

В 07:58 у входа в Центр уже стояло человек двадцать.

Они были настоящими. Я проверил это не философским способом, а самым практичным: один мужчина ударил меня сумкой по локтю, когда я попытался протиснуться к дверям.

— Очередь занимай, герой! — сказал он.

— Я по делу жизни и смерти.

— Здесь все по такому делу. У меня пособие третий месяц не назначают.

Восхитительная страна. Даже апокалипсис не отменяет очередь.

На стекле висело расписание: открытие в 08:00. Под ним за секунду проступила другая строка — «Приём не ведётся». Затем снова исчезла.

Электронные часы над дверью уже показывали 08:05.

— Здесь разное время, — сказал Марк.

— Не разное, — поправила Ника. — Предварительное. Они уже оформили закрытие и теперь пытаются заставить настоящее дожить до документа.

Мне вдруг стало холодно.

— Значит, в восемь ноль три они могут сделать то же самое с моей подписью. Не ждать, пока я согласен, а заранее оформить, что согласился.

— Да.

— И как их остановить?

— Вынудить настоящий реестр ответить раньше будущего.

Перед входом стоял терминал выдачи талонов — старый серый ящик с сенсорным экраном. На нём было написано: «ВЫБЕРИТЕ УСЛУГУ». Внизу крутилась дурацкая анимация улыбающегося карандаша.

Я коснулся экрана.

«ПРИЁМ ДОКУМЕНТОВ».

«ПОЛУЧЕНИЕ СПРАВОК».

«РЕГИСТРАЦИЯ ЗАЯВЛЕНИЙ».

Я нажал третью строку.

Терминал пикнул.

«СЕГОДНЯШНЯЯ КВОТА ИСЧЕРПАНА».

— Восемь утра ещё не наступило, — сказал я.

«БЛИЖАЙШАЯ ДАТА: ЗАВТРА».

— Потрясающе. Теперь они даже завтра украли.

Марк сжал плечо.

— Смотри.

Из прорези выполз билетик с номером 003.

Я поднял его.

Время выдачи: 08:04:17.

На собственных часах — 07:59:06.

[РАСХОЖДЕНИЕ ВРЕМЕНИ ПРИЁМА]Зарегистрированное начало работы: 08:00:00.Талон выдан до открытия: ДА.Предварительное закрытие: НЕ ВСТУПИЛО В СИЛУ.Наконец-то система зафиксировала нечто полезное.

— Если талон выдан, значит, запись о посетителе уже есть в реестре, — сказал я.

— Но дверь закрыта, — заметил Марк.

— Тогда найдём окно.

Ника не успела ответить.

На экране терминала исчез улыбающийся карандаш. Его место занял чёрный прямоугольник, знакомый мне до тошноты.

[ПЕРЕАДРЕСАЦИЯ ЗАЯВИТЕЛЯ]Гражданин ЧЕРНОВ М. А. направлен в подразделение по месту оформления.Адрес: ГОНЧАРНЫЙ ПЕРЕУЛОК, 8.Время явки: 08:03:00.Явка обязательна в связи с ранее заявленным согласием.Билетик в моей руке потеплел.

Потом стал горячим.

Я бросил его на асфальт. На бумаге проступило слово «СОГЛАСЕН».

— Да сколько можно! — крикнул я. — Я не давал вам согласия на согласие!

Кто-то в очереди фыркнул.

— Молодой человек, — сказала женщина с тележкой, — вы здесь первый раз?

Я едва не засмеялся.

Нет, здесь я был уже слишком давно.

. . .

В восемь ровно замок на стеклянной двери щёлкнул.

Очередь ожила. Люди потянулись внутрь, тесняясь у рамки металлоискателя. Охранник в синей рубашке попытался произнести «проходите по одному», но уже на третьем посетителе понял бесполезность этого предприятия и сосредоточился на том, чтобы никто не утащил рамку.

Я пробрался к стойке регистрации.

За стеклом сидела женщина лет пятидесяти с короткой стрижкой и бейджем «Авдеева Е. Н.». Она только успела поставить сумку под стол, включить компьютер и налить воду в чашку.

— Доброе утро, — сказал я.

— У вас талон?

Я показал номер 003.

Авдеева посмотрела на билет и нахмурилась.

— У нас ещё не начали выдавать талоны.

— Вот и я удивился. Боюсь, у вашего автомата сложные отношения со временем.

Она повернула монитор к себе. На экране в верхнем углу горели цифры 08:00:21.

— Номер уже существует, — сказала она. — Но вам назначено восемь ноль четыре.

— Мне нужно зарегистрировать отзыв раньше.

— Раньше чего?

Я достал из кармана бланк, который заполнил, пока мы стояли перед Центром. Почерк вышел ещё отвратительнее обычного: правая рука всё время пыталась вывести слово «согласен», а я возвращал её к «отзываю».

Авдеева прочитала первые строки.

— У вас нет номера исходного согласия.

— Есть номер акта коррекции. Ноль — семнадцать. И копия подготовленного документа. Подлинник должен возникнуть в восемь ноль три.

Женщина подняла глаза.

— Должен возникнуть?

— Я понимаю, как звучит. Мне тоже не нравится.

— Молодой человек, мы не регистрируем обращения по документам, которых не существует.

— А вы зарегистрируйте обращение по документу, который уже пытается мной управлять. Это вполне существующий эффект.

Она отодвинула бланк.

— Обратитесь после восьми ноль четыре. По вашему талону.

На секунду мне захотелось рассказать ей всё. Про автобус. Про город, который печатают поверх города. Про женщину в шляпе и сестру, которую должны убрать из реальности. Но где-то за спиной стоял Марк с моим лицом. Ника предупреждала: каждый независимый свидетель, узнавший о двух версиях, расширяет зону сверки.

И я не собирался ради одной подписи подставлять двадцать незнакомых человек в очереди.

— У вас есть книга регистрации отказов? — спросил я.

Авдеева сняла очки.

— Чего?

— Если вы не можете принять заявление, зафиксируйте отказ. Номер, время, причина. Я сам составлю жалобу.

Она несколько секунд смотрела на меня. Потом вздохнула голосом человека, который всё-таки дожил до первой неприятности рабочего дня.

— Подождите.

Она вытащила из нижнего ящика толстый журнал в синей обложке. На первом листе была напечатана таблица. Ещё прежде, чем Авдеева перевернула страницу, я увидел, как одна строка сама заполняется чёрными буквами:

«ЧЕРНОВ М. А. — В ОБРАЩЕНИИ ОТКАЗАНО. ПРИЧИНА: ЛИЧНОЕ СОГЛАСИЕ УСТАНОВЛЕНО».

Время: 08:03:01.

Мне стало трудно дышать.

— Вы этого ещё не писали, — сказал я.

Авдеева проследила за моим взглядом.

— Чего не писала?

Она видела пустую бумагу.

Из коридора донёсся сухой стук каблуков.

Я обернулся.

Пожилая женщина в сером пальто шла между стульями, вежливо уступая дорогу посетителям. На голове — та же старомодная шляпа. В руках — чёрная папка.

Она успела оказаться здесь, хотя несколько минут назад стояла у закрытой мастерской. Возможно, у неё был собственный служебный коридор. Возможно, для человека, который распоряжается будущим, расстояние — просто вид плохо заполненного бланка.

— Максим Андреевич, — сказала она с печальной доброжелательностью. — Вы доставляете работникам Центра ненужные хлопоты.

Авдеева не подняла головы. Она вообще не заметила женщину.

— Уйдите, — сказал я.

— Это официальное учреждение. Любой гражданин имеет право обратиться за услугой.

— Тогда возьмите талон и стойте в очереди, как все.

Старуха улыбнулась.

— Вы же знаете, что я уже записана.

Открыла папку.

На верхнем листе я увидел две фотографии Лады. На одной сестра стояла за аптечным прилавком. На другой лежала в белой больничной кровати с закрытыми глазами. У подушки — небольшая карточка: «Выписана как не существовавшая».

— Если вы отзовёте согласие, — сказала женщина, — задолженность не исчезнет. Мы просто вернёмся к первоначальному способу взыскания. Вы действительно хотите, чтобы она пережила ещё одно изъятие?

Я почувствовал, как по спине течёт пот.

Это была не пустая угроза. В аптеке я видел, что происходит, когда Ладу начинают стирать. Она кричала не от страха. От боли.

— Предлагаете выбрать между убийством и убийством? — спросил я.

— Я предлагаю прекратить бессмысленное сопротивление. Ваша сестра останется цела, если вы согласитесь выполнить обязательство по месту оформления.

— Что значит «останется цела»?

Старуха чуть склонила голову.

— Я не уполномочена уточнять последствия до подписания.

Я едва не ударил её.

Но в этот миг почувствовал, как рука сама двигается к раскрытой папке. Не чтобы ударить. Чтобы взять ручку, закреплённую на внутренней стороне обложки.

Я резко спрятал кисть за спину.

— Вот за что я вас особенно люблю, — сказал я. — Всегда готовы предложить условия, которые нельзя прочитать до согласия.

— Вы уже согласились однажды. По телефону. При свидетеле.

— Я обещал позвонить Ладе.

— Вы обещали исполнить. Нам известно, что ваше главное намерение — защитить её. Мы лишь сохранили это намерение, когда вы не смогли исполнить обещание вовремя.

— И перенаправили его в документ о её смерти.

Старуха ничего не сказала.

А этого оказалось достаточно.

Я наклонился к окошку.

— Елена Николаевна, запишите, пожалуйста, что мне отказывают в регистрации заявления на основании согласия, которого я не давал и которое должно быть оформлено в будущем.

Авдеева смотрела на свой монитор.

— Я уже сказала: ждите по талону.

— Тогда укажите время отказа. Сейчас. Не то, которое там заранее написали.

Пожилая женщина закрыла папку.

— Вы не можете доказать принуждение, Максим Андреевич. Ваше намерение принадлежит вам.

И тут я понял: она говорит правду.

Она не управляла моей волей. Она управляла адресом, по которому та должна была исполниться. Я действительно хотел защитить Ладу. И это моё желание они присвоили, словно пустующую комнату.

Значит, нужно было не отказываться от желания.

Нужно было вернуть ему правильный адрес.

Я вытащил телефон.

Набрал Ладу.

Первый гудок.

На чёрной папке у старухи сдвинулась металлическая застёжка.

Второй.

— Не советую, — сказала она.

Третий.

Тень женщины вытянулась по полу, заполнила пространство перед стойкой. В помещении зажужжали лампы. На экране моего телефона появилось «СВЯЗЬ НЕ ПРЕДУСМОТРЕНА».

Я переключил вызов на громкую связь.

— Лада, возьми трубку.

Четвёртый гудок.

Из динамика раздался тот самый сухой голос, который я услышал утром перед обрывом связи:

— Обещание зарегистрировано. Срок пропущен. Позднее исполнение не принимается.

— Не вам решать, — сказал я.

— Надлежащее исполнение возможно только в установленный срок.

— Кредитор может принять просроченное исполнение. Даже в нашем городе это знает каждый бухгалтер.

Старуха вскинула глаза.

— Соединение прекратить.

Телефон задрожал в руке. Из динамика посыпались слова чужими голосами — сначала мужчины, потом женщины, потом сотни людей одновременно. Они называли свои имена, даты, номера квартир, просили кого-то простить. Я слышал обещания, которые так никто и не выполнил. Десятки. Тысячи.

И сквозь этот шум — далёкий, очень знакомый голос:

— Макс?

Лада.

— Я здесь!

— Ты где? Вера сказала, вы уже дошли, но у нас тут...

— Слушай меня. Утром я обещал перезвонить через пятнадцать минут.

— Макс, сейчас не до этого! У нас стекло...

— Лада, ты согласна принять этот звонок с опозданием?

Она замолчала.

— Что?

— Мне нужна твоя воля. Не реестра. Твоя. Ты принимаешь то, что я перезвонил поздно?

Я услышал, как по ту сторону связи заскрежетал металл. Вера что-то кричала. Далеко за плечом Авдеевой электронные часы показали 08:02.

— Конечно принимаю, дурак, — сказала Лада. — Я уже привыкла, что ты опаздываешь. Только не заставляй меня сейчас объяснять, почему я всё равно тебя люблю.

Старуха раскрыла папку так резко, что её чёрные листы взметнулись над столом.

[ПОВТОРНАЯ СВЕРКА ЛИЧНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА]Первоначальный объект: ОБРАТНЫЙ ЗВОНОК.Исполнение: ПРОИЗВЕДЕНО С ПРОСРОЧКОЙ.Получатель обещания: ЧЕРНОВА Л. А.Просроченное исполнение: ПРИНЯТО.Право на сохранение исходного волеизъявления: ПРЕКРАЩЕНО.Мою правую кисть пронзила боль.

Не такая, как после удара контролёра. Более простая и человеческая — будто я десять минут сжимал кулак, а потом резко разжал. Изолента окончательно отвалилась, пальцы расслабились.

Пожилая женщина смотрела на меня без улыбки.

— Вы ничего не выиграли, — сказала она.

— Для начала я вернул себе руку.

— Документ всё равно будет оформлен. В нём уже назначен подписант.

— Значит, найдём того, кто решил подписать вместо меня.

Я наклонился к стеклу.

— Елена Николаевна. Срочное заявление. Отзыв согласия. И отдельная жалоба на принуждение к подписи. Примите по фактическому времени, прошу.

Авдеева подняла голову. Впервые за последние две минуты на её лице отразилось что-то, кроме усталости.

— Почему у вас кровь на пальце?

Я посмотрел. Мой старый порез на большом пальце раскрылся. Кровь капала прямо на бланк.

— Производственная травма, — сказал я. — Вы ведь можете принять заявление от человека с травмой?

Она промокнула край бумаги салфеткой, взяла документ и повернулась к сканеру.

— Паспорт.

Я протянул паспорт.

Марк стоял с Никой за рамкой металлоискателя, делая вид, что внимательно изучает схему эвакуации. От моего лица у него осталось ровно столько же, сколько было утром. Но паспорт в моей руке пока принадлежал только мне.

Сканер зажужжал.

На мониторе возникло предупреждение. Авдеева нахмурилась.

— У вас статус «не установлен».

— Выглядит обидно. Я старательно устанавливался двадцать семь лет.

— Подождите. Это внутреннее поле. Здесь должно быть «действующий» или «недействующий». А у вас «лишний».

Старуха медленно повернулась к нам.

Впервые она действительно испугалась.

Потому что обычная сотрудница, не знавшая ни о каких версиях мира, прочитала в своей официальной программе слово, которого там быть не должно.

Авдеева посмотрела на меня поверх очков.

— Что это за отметка?

— Не знаю, — сказал я. — Но раз она есть в государственном реестре, вы обязаны зарегистрировать моё обращение независимо от того, нравится ли вам её формулировка.

— Для неопознанного лица нужен отдельный порядок.

— Так у меня паспорт. Вот фотография. Вот подпись. Вот человек. Не надо искать неопознанного там, где он просит услугу лично.

Она несколько секунд колебалась. Потом кивнула, нажала клавишу и наконец произнесла:

— Хорошо. Я оформлю как заявление об оспаривании регистрации волеизъявления. Это общее обращение, без привязки к исходному документу. В нём можно указать, что согласие будет недобровольным, если его кто-то зарегистрирует.

— Именно то, что нужно.

— Только после приёма я не смогу его отменить. Оно попадёт в независимый журнал событий. Вы уверены?

— Настолько, насколько человек может быть уверен в восемь ноль две после собственной смерти.

Она решила не уточнять.

Принтер под её столом застрекотал.

[ВНЕШНИЙ ЗАПРОС]Вид обращения: ОСПАРИВАНИЕ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ.Заявитель: ЧЕРНОВ М. А.Основание: ПРИНУЖДЕНИЕ / НЕСООТВЕТСТВИЕ ОБЪЕКТА ОБЕЩАНИЯ.Приём: ОЖИДАЕТ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ.

За стеклом, прямо перед лицом Авдеевой, появилась вторая рука.

Тонкая. Сухая. В сером рукаве.

Она легла на клавиатуру, перекрыв сотруднице пальцы.

Старуха стояла у меня за спиной, а её рука каким-то образом протянулась сквозь стекло.

Авдеева ничего не видела. Только удивлённо посмотрела на мышь, переставшую отвечать.

[ПРИНЯТИЕ ПРИОСТАНОВЛЕНО]До оформления первообразца: 00:17.Семнадцать секунд.

Я попытался дотянуться до клавиатуры. Между пальцами и стеклом возникла твёрдая пустота, похожая на ту, что не пустила меня к сестре в аптеке.

— Поздно, — сказала пожилая женщина. — Запрос не пройдёт.

Марк увидел, как меня отшвырнуло от стойки, и бросился ко мне.

— Не подходи! — рявкнул я. — Нас двоих не должны увидеть!

Он застыл в двух шагах.

Старуха подняла подбородок. Над её шляпой кружили чёрные листы, но люди в очереди по-прежнему спорили о талонах и не замечали происходящего.

— Максим Андреевич, — сказала она, — вы очень старались. Иногда этого недостаточно.

Я смотрел на ладонь в сером рукаве, застывшую над клавиатурой. На пальцах у старухи не было ни единой морщины. Только тонкие чернильные линии, как на недопечатанном документе.

И тут меня осенило.

Я уже видел похожее.

Когда контролёр пытался взыскать мою смерть, он не мог обойти противоречие с несуществующей остановкой. Когда человек с уровнем стирал мастерскую, ему требовалось основание. Они могли быть сильнее нас, быстрее, страшнее. Но не могли заставить официальный реестр подтвердить то, чего он не видел.

Авдеева не видела старухиной руки.

Значит, для независимого журнала рука не существовала.

— Елена Николаевна, — сказал я как можно спокойнее, — вы сейчас можете нажать клавишу подтверждения?

— Компьютер завис. Я нажимаю, а он не реагирует.

— А если попросить вас оформить отказ прямо в бумажном журнале?

Она взглянула на раскрытую книгу.

Старуха повернула голову ко мне.

— Вы не успеете.

— Посмотрим.

— Макс! — крикнул Марк.

На электронных часах было 08:02:52.

Восемь секунд.

Я схватил у сотрудницы тот самый бланк, который она успела проштамповать номером очереди. С обратной стороны уже виднелся синий оттиск «ПРИНЯТО К РАССМОТРЕНИЮ», хотя принтер не подтвердил запись. Я прижал лист к стеклу, над которым висела невидимая рука.

— Елена Николаевна, подпишите вручную. Ваш журнал существует сейчас, а не в восемь ноль четыре.

— Я не имею права подписывать без номера.

— Он есть. Талон ноль-ноль-три, время выдачи восемь ноль четыре. Вы сами его видели раньше восьми. У вас несовпадение времени в журнале! Его обязаны разбирать отдельно!

Старухина рука двинулась со стекла. Медленно. На моём бланке проступили чёрные точки, выстраиваясь в слово «ОТКАЗАНО».

Я выхватил из кармана билетик 003. Приложил поверх точек.

— Не соглашайтесь с отказом за меня, — сказал я. — Я живой заявитель и требую зарегистрировать собственные слова. Если не можете, запишите, что мешает постороннее лицо, которого вы не видите.

Авдеева побледнела. Теперь она тоже чувствовала, что на клавиатуре лежит что-то невидимое.

— Четыре секунды! — выкрикнула Ника из-за рамки.

Старуха рванулась ко мне. Её лицо потеряло цвет и на миг стало похоже на чёрно-белую фотографию с вырезанными глазами.

Марк встал между нами.

Удар пришёлся ему в грудь.

Не кулаком. Словом.

«ИСКЛЮЧИТЬ».

Буквы проступили у него на куртке, потом продавились сквозь ткань. Он отлетел к стене, и на его левой руке снова исчезли пальцы.

— Три! — закричала Ника.

Я не обернулся. Не мог.

Авдеева схватила синюю ручку, открыла журнал на первой чистой строке и вписала номер: 003.

Рядом — время: 08:02:58.

— Два!

— Сведения приняты, — прошептала она.

Она поставила подпись.

[НЕЗАВИСИМАЯ РЕГИСТРАЦИЯ]Обращение № 003-080258.Основание: ОСПАРИВАНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СОГЛАСИЯ.Фактическое время: 08:02:58.Статус: ВНЕСЕНО В НЕЗАВИСИМЫЙ ЖУРНАЛ.

— Один!

Чёрные листы вокруг женщины остановились.

Из её папки вылетела тонкая красная нитка и лопнула с сухим щелчком.

Я снова услышал телефон.

— Макс! — кричала Лада. — Здесь кто-то открывает дверь! Вера говорит, что у бумаги появляется подпись!

На часах Центра сменились цифры.

08:03:00.

[ОФОРМЛЕНИЕ ПЕРВООБРАЗЦА]Место: ГОНЧАРНЫЙ ПЕРЕУЛОК, 8.Документ: ЗАЯВЛЕНИЕ О ДОБРОВОЛЬНОМ ПРИЗНАНИИ ИЗЪЯТИЯ.Отпечаток пальца: ПОДТВЕРЖДЁН.Подпись плательщика: ПОДТВЕРЖДЕНА.Независимый отзыв согласия: ЗАРЕГИСТРИРОВАН РАНЕЕ.Добровольность: ОСПОРЕНА.Исполнение изъятия: ПРИОСТАНОВЛЕНО.

Я схватился за край стойки.

От облегчения меня чуть не вывернуло. Где-то за спиной закашлялся Марк. Я знал, что должен броситься к нему, но взгляд прилип к одной строке.

Подпись плательщика: подтверждена.

Моя рука лежала на стойке. Свободная. Неподвижная. В восьмистах метрах от мастерской.

Подпись всё равно появилась.

— Кто подписал? — спросил я.

Старуха медленно закрыла чёрную папку.

— Мне тоже хотелось бы это знать, — ответила она.

Впервые в её голосе не было ничего служебного.

. . .

Вера позвонила через десять секунд.

На экране появился её номер, но вместо обычного звонка телефон включил видеосвязь. Изображение дрожало. Я видел мастерскую: разбитое стекло, перевёрнутый стол, белый вал, обесточенный и всё ещё почему-то работающий.

Вера держала телефон одной рукой, в другой — металлическую линейку.

— Чернов, — произнесла она. — Ты где?

— На Садовой. Мы успели. Исполнение приостановили.

— Вы там оба?

Я посмотрел на Марка. Он сидел у стены и прижимал к груди белую, почти прозрачную ладонь. Ника стояла перед ним на коленях. На синей нитке у её запястья по-прежнему оставался один узел.

— Оба, — сказал я. — А что?

Вера перевела телефон на стол.

На сером листе рядом с моим отпечатком лежала свежая подпись. Размашистая, неровная, с привычным крючком в конце фамилии. Моя подпись.

— Он вошёл, когда часы показали восемь ноль три, — сказала Вера. — Не через дверь. Как будто всегда стоял здесь, а потом его разрешили увидеть.

Лада появилась в кадре. Бледная, но живая. Я едва успел выдохнуть её имя.

— Макс, — сказала она, — я не знаю, как это объяснить.

— Тогда покажи.

Камера повернулась.

У старого копировального аппарата стоял мужчина.

Тёмная рабочая куртка городской службы. Дешёвые ботинки с оторванной петлёй на одном заднике. Рост сто восемьдесят один, если верить паспорту. Лицо, которое я видел каждое утро, пока чистил зубы, и ещё одно точно такое же — с сегодняшнего утра, рядом с собой.

Но этот мужчина не был Марком.

У Марка возле виска тянулся белый шрам. У меня — тонкий порез на большом пальце. А у незнакомца на левой щеке был старый, неправильно сросшийся шов. Волосы у висков поседели. Взгляд был таким, каким он становится у человека, который месяцами не спал, потому что знал, что увидит во сне.

На правом большом пальце у него оставался свежий порез от самореза.

Точно мой.

Он поднял голову. Посмотрел в камеру и скривился, будто увидел неприятного знакомого.

— Ну наконец-то, — сказал он моим голосом. — В этот раз вы всё-таки успели зарегистрировать отказ.

Лада отшатнулась.

— Ты кто?

Мужчина не ответил ей. Смотрел прямо на меня через телефон.

— Максим, — сказал он, — слушай внимательно. Подпись не моя. Я только принёс её сюда.

Он поднял серый лист.

На обороте, там, где раньше не было ничего, проступила вторая подпись.

Не моя.

Женская.

«И. С. Чернова».

Мама.

Возле подписи стояла пометка, напечатанная синими буквами:

«ЦИКЛ 9. ОРИГИНАЛ ПОЛУЧЕН».

Я хотел спросить, где она находится. Почему у нас теперь три лица вместо одного. Что значит девятый цикл и почему каждый разговор о матери заканчивается новым человеком, которого не должно быть.

Но мужчина уже наклонился к телефону.

— Не спрашивай пока про мать. Спроси Нику, — произнёс он. — Она единственная из нас помнит, что было в третьей кровати.

У меня пересохло во рту.

— В третьей кровати был ребёнок?

Мужчина долго смотрел на меня.

— Нет, — сказал он. — Там было место для того, кого каждый раз заставляют стать ребёнком заново.

Он перевёл взгляд за моё плечо.

Я обернулся.

Ника стояла у стены рядом с Марком. Она услышала его голос из моего телефона. Лицо девочки стало совсем белым.

Синяя нитка с последним узлом натянулась на запястье сама собой.

— Ника, — спросил я, — ты его знаешь?

Она смотрела в экран так, словно только что увидела человека, которого похоронила собственными руками.

— Да, — прошептала она.

— Кто он?

Ника медленно подняла на меня глаза.

— Тот Максим, — сказала она, — который в прошлый раз успел всё исправить.

Я снова посмотрел в телефон.

Мужчина с моим лицом стоял совершенно неподвижно. И теперь я видел то, что не заметил сначала: из-за воротника его куртки тянулась тонкая чёрная линия. Она уходила под ткань, огибала шею, словно след от затянутого бумажного ремня.

— Тогда почему, — спросил я, — мы всё ещё здесь?

Он едва заметно улыбнулся.

— Потому что, Макс, — ответил третий я, — я исправил не ту смерть.

Связь оборвалась.

А на моём телефоне появилась новая строка.

[ЛИЧНОЕ ДЕЛО: ЛИШНИЙ]Подтверждённых ошибок: 5.Действующих носителей личности ЧЕРНОВА М. А.: 3.Допустимое количество: 1.Задолженность: 1 СМЕРТЬ — НЕ ПОГАШЕНА.До принудительной сверки носителей: 23:12:00.

[НОВОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ]Третий носитель не прошёл проверку на принадлежность к настоящему времени.Статус: ПРИБЫЛ ИЗ НЕВСТУПИВШЕГО В СИЛУ ИСХОДА.Условие его сохранения: ИЗЪЯТИЕ ОДНОГО ИЗ ДВУХ ПЕРВЫХ.

Я опустил телефон.

В восемь ноль три мы предотвратили смерть Лады.

И, судя по последней строке, оформили прибытие человека, которому за право остаться требовалось убить одного из нас.

ГЛАВА 5
Третий экземпляр

Хуже, чем узнать о существовании своего двойника, — узнать, что он старше тебя, выглядит уставшим и, судя по всему, уже успел совершить все ошибки, которые ты только собираешься.

Ещё хуже — прочитать официальное уведомление о том, что для его дальнейшего существования один из вас обязан умереть.

Я перечитал последнюю строку.

«Условие его сохранения: ИЗЪЯТИЕ ОДНОГО ИЗ ДВУХ ПЕРВЫХ».

Один из двух первых. То есть я или Марк.

Странное чувство: всю жизнь опасался, что однажды меня сократят с работы. В конце концов выяснилось, что у сокращения бывают куда более амбициозные планы.

— Макс? — позвала Ника.

Мы всё ещё находились в Центре муниципальных услуг. Над стеклянной стойкой горели часы: 08:03:26. Елена Николаевна Авдеева рассматривала своё заявление в синем журнале, словно там по ошибке напечатали её фотографию в розыске. Пожилая женщина в серой шляпе стояла в трёх шагах от меня и впервые за всё утро не улыбалась.

У стены Марк медленно поднимался с пола. Его левая рука стала почти прозрачной от запястья до кончиков пальцев. Сквозь неё я видел плинтус. Любопытно, что на ногтях, которые переставали существовать, всё ещё оставалась грязь после утренней работы.

— Есть хорошая новость, — сказал я.

— Какая? — спросил Марк.

— Нас трое. Можно наконец-то играть в дурака без колоды на двоих.

— А плохая?

Я показал ему экран.

Он прочёл. Потом ещё раз. Выражение его лица не изменилось, но плечо, которым он опирался о стену, заметно напряглось.

— То есть теперь у нашего будущего есть право на убийство одного из нас?

— Не право. Условие. На бумаге это, видимо, считается вежливее.

Пожилая женщина сделала шаг ближе.

— Дайте мне посмотреть уведомление, Максим Андреевич.

— Сначала представьтесь. По-человечески. Фамилия, должность, организация, номер телефона отдела жалоб.

Она не ответила.

Я уже привык, что на любые вопросы о её полномочиях женщина реагирует примерно так же, как кошка на просьбу предъявить паспорт. Но сейчас в её молчании было что-то новое. Не презрение. Осторожность.

— Вы не ожидали третьего, — сказал я.

Она посмотрела на прозрачную руку Марка, затем на мой телефон.

— Я не уполномочена комментировать неутверждённые исходы.

— Отлично. Запишем как «не ожидала».

В этот момент на табло над стойкой обслуживания замигал номер 003. Рядом появился второй номер. Тоже 003. И третий.

Три одинаковых номера заняли всю строку.

Авдеева нахмурилась.

— Что это у нас опять с электронной очередью? — пробормотала она.

На экране вылезло новое сообщение.

[ВНЕПЛАНОВОЕ СЛИЧЕНИЕ]Выявлено совпадение персонального ключа.Активных носителей: 3.В одном регистрационном узле: 2.Рекомендуемая процедура: УСТАНОВЛЕНИЕ ПЕРВООЧЕРЁДНОСТИ ИЗЪЯТИЯ.До прибытия сличителя: 00:01:30.

Я посмотрел на Марка.

— Нам надо уходить.

— А третьего заберём?

— Он в мастерской. Если нас поймают здесь, ему некого будет убивать. Возможно, это даже испортит ему день.

Ника не улыбнулась. Она смотрела на сообщение, и на её запястье под красной варежкой что-то дёрнулось. Я увидел маленький синий узел — последний из трёх. Он сидел туго, как затянутый шнурок на чужом горле.

— Сличитель не придёт через дверь, — сказала девочка.

— Очень жаль. Я уже собирался запереть её на замок.

— Он придёт там, где есть два одинаковых ответа на один вопрос.

— В таком случае ему понравится наш отдел кадров.

Марк оттолкнулся от стены.

— У меня есть мысль. Если мы разойдёмся, он увидит одного Чернова здесь и одного снаружи. Совпадение исчезнет?

— Не совсем, — сказала Ника. — Пока вы оба зарегистрированы одним талоном, вы считаетесь находящимися в одном узле. Нужно снять один из учёта.

Удачная формулировка. Особенно для людей, которым только что сообщили о скором изъятии.

Я наклонился к окошку Авдеевой.

— Елена Николаевна, у меня технический вопрос. Сколько человек может пройти по одному талону?

— Один, — раздражённо ответила она.

— А если система показывает двух?

— Значит, ошибка. У нас на каждый паспорт отдельная запись.

— Вот и прекрасно. Прошу отменить второй пропуск, выданный по моему талону.

Авдеева удивлённо подняла глаза.

— У вас нет второго пропуска.

— А в журнале он есть.

Она посмотрела на монитор.

Номер 003 расползся, превратился в три строки. В двух последних вместо времени стояли пустые прямоугольники. Авдеева машинально нажала на первую строку — и заметно вздрогнула.

— Здесь... три посетителя. С одной фотографией.

Женщина в серой шляпе резко повернулась к ней.

— Не открывайте личные сведения, не относящиеся к приёму.

Авдеева подняла голову, но, как и раньше, не увидела её. Только потянулась к пульту, потому что по стойке пробежал холодный сквозняк.

— Я ничего не открывала, — ответила она в пустоту. — У меня программа сама...

— Тогда, — сказал я, — исправим программу так, как полагается. Выделите лишнюю запись и оформите её аннулирование по причине ошибочной выдачи талона.

— Молодой человек, вы только что полчаса требовали, чтобы я вас зарегистрировала.

— Я очень быстро меняюсь как личность.

Марк кашлянул. Ника уже пробиралась к двери через очередь.

На экране моего телефона отсчёт перескочил на 00:00:58.

В глубине зала кто-то стукнул папкой о стол.

Точнее, звук пришёл со всех столов сразу. Сухой. Одинаковый. Каждый человек у стойки одновременно перевернул страницу в своём документе, хотя никто из них не собирался этого делать.

— Елена Николаевна, — сказал я, — пожалуйста. У нас одна минута.

Она несколько секунд глядела на меня, затем щёлкнула мышью.

— Ладно. Удаляю дубликат. Но если после этого вам понадобится повторное обращение, берёте новый талон.

[ОШИБОЧНАЯ РЕГИСТРАЦИЯ]Дубликат пропуска № 003: АННУЛИРОВАН.Совпадение ключей в текущем узле: НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО.Проведение сличения в помещении: НЕВОЗМОЖНО.В зале хлопнули все папки сразу.

На секунду лампы потухли. Из-за металлической рамки прозвучал глухой мужской голос:

— Кто отменил сверку?

Я не стал выяснять, кому принадлежит голос. Мы с Марком рванулись к выходу.

Ника уже держала стеклянную дверь. Охранник попытался остановить нас привычным «по одному», но увидел два моих лица и без единого слова отошёл. Видимо, в инструкции к металлоискателю этот случай не предусмотрели.

Снаружи я обернулся.

В зале, между людьми, стоял человек в строгом чёрном пальто. Его голова была совершенно обычной, если не считать того, что вместо лица он держал на уровне подбородка фотографию из моего паспорта. Фотография была увеличена до размеров альбомного листа. Человек медленно повернул её в нашу сторону.

С обратной стороны обнаружилась фотография Марка.

Обе улыбались.

В жизни мы с Марком так никогда не улыбались. Особенно сегодня.

Он опустил снимки и заговорил уже другим голосом — голосом сотрудника, привыкшего читать инструкции перед опасной работой:

— Личности не разделены. Сличение будет произведено по месту первичной записи.

Стеклянные двери Центра захлопнулись.

На секунду мне показалось, что мы успели.

Потом с фасада здания осыпались три буквы вывески.

«М», «А» и «К».

Они ударили в асфальт у моих ног и сложились в слово «МАК».

Ещё две буквы — «С» и «И» — медленно отделились от стены.

— Он собирает твоё имя, — сказала Ника.

— Своё мог бы хотя бы сам запомнить.

— Когда закончит, ему не нужно будет вас догонять.

Одна из букв зависла у меня над головой.

Я схватил Марка за здоровое плечо. Мы побежали.

. . .

В восемь ноль семь утра на улице Садовой два человека с одинаковыми лицами пытались скрыться от собственной фамилии.

В нормальном городе полиция заподозрила бы нас в ограблении. Здесь от нас бежали буквы, а прохожие видели лишь двоих идиотов, которые постоянно смотрят на вывески и ругаются с воздухом.

У Марка быстро сбилось дыхание. Прозрачная рука при каждом шаге на секунду заполнялась серым — и снова становилась пустой.

— Она болит? — спросил я.

— Ты хочешь полный список?

— Хочу знать, сколько ещё ты сможешь бежать.

— Если скажу «до обеда», ты принесёшь мне булочку?

— С изюмом. Это семейное проклятие.

Он едва заметно усмехнулся.

За углом Ника внезапно остановилась.

— Не туда.

— Почему?

Она указала на дорожный знак.

Обычный белый прямоугольник «Одностороннее движение» медленно поворачивался вслед за нами. На нём появилась дополнительная стрелка. Стрелка смотрела не на дорогу, а прямо в грудь Марку.

— Они ищут не по местоположению, — сказала девочка. — По принадлежности имени. Вы сделали так, что сличитель потерял адрес в Центре. Но запись осталась.

— Предлагаешь отрезать табличке угол?

— Предлагаю перестать пользоваться именем, пока не выясним, зачем оно им.

Я хотел возразить, но услышал звонок. Звонила Вера.

На экране вместо фамилии появился странный набор символов. Затем телефон показал: «АБОНЕНТ НЕ ИМЕЕТ ПРАВА НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ».

— Алло?

— Чернов! — рявкнула Вера. — У вас там есть план? Или вы опять будете спасать нас посредством художественного чтения квитанций?

— Поэтические чтения перенесли. У нас появился третий участник.

— Я вижу. Стоит в мастерской, молчит и просит пустой конверт. На вопрос, зачем, отвечает: «Чтобы не записали, что я сказал». Мне уже нравится. Хотя вас по отдельности и так слишком много.

— Он там не один?

— Мы с Ладой. И ещё человек снаружи, которого никто, кроме вашей сестры, не замечает. Стучит в витрину линейкой. Кажется, хочет измерить нашего гостя.

Мне захотелось остановиться.

— Это из отдела выравнивания?

— Нет. Тот был похож на маляра, которого выгнали с похорон. Этот — на инспектора, который ещё и выписал бы похоронному бюро штраф. Воротник чёрный. Лицо не вижу. Он прислоняется к стеклу, а на нём появляется ваша фамилия.

Я посмотрел на Марка.

— Он и нас нашёл.

Вера помолчала.

— Значит, слушайте. В мастерскую не приходите втроём. Ваш пожилой вариант очень вежливо объяснил: если все три экземпляра окажутся возле одного оригинала, система получит право назначить кого-то первичным. И перестанет разбираться, кто из остальных живой.

— Как нам разговаривать?

— Старый телеграф. Гончарный, восемь, задний двор. Там висит распределительная коробка, давно снятая с учёта. Я протяну к ней провод. Чернила на бумаге пока ещё принадлежат нам.

— С каких пор у вас телеграф?

— С тех пор как мой брат Лев его принёс и сказал, что однажды бумага окажется надёжнее телефона. Не заставляй меня сейчас вспоминать это вслух.

Голос у неё дрогнул. Совсем немного.

— Вера, — сказал я, — вы не обязаны...

— Вот только не начинай. Мне сорок пять, а не четыре. Если собираюсь совершить глупость, я предпочитаю выбирать её самостоятельно.

Связь прервалась.

Марк стоял у стены, пытаясь согреть прозрачные пальцы дыханием. Ника смотрела на серые буквы, которые ползли по водосточной трубе.

— Надо туда, — сказал я. — Но порознь.

— А если третий действительно захочет исполнить условие? — спросил Марк.

Я не нашёл ответа.

Потому что вопрос был разумным. И потому что человек, способный понять мои слабости лучше любого убийцы, уже стоял рядом с Ладой.

— Тогда, — ответил я, — он сначала должен будет объяснить ей, почему её брат перестал быть братом.

Я сам услышал, как недостаточно убедительно это прозвучало.

Ника натянула красные варежки.

— Он уже объяснял, — сказала она. — В прошлый раз.

Марк поднял голову.

— И что Лада сказала?

Девочка смотрела на него так, словно перед нею был не человек, а дверь, которую она много раз открывала в пустую комнату.

— Она сказала: «Сначала покажи мне тех, кого ты не успел спасти».

— И он показал?

Ника не ответила.

Но узел у неё на запястье натянулся ещё сильнее.

. . .

К распределительной коробке за Гончарным, восемь, мы подошли с разных сторон.

Я — через двор бывшей хлебопекарни. Марк — вдоль гаражей, которые, согласно городскому реестру, снесли ещё в две тысячи восьмом. Ника добралась первой. Она стояла под рыжим водостоком и держала в руках бечёвку с привязанным к ней карандашом.

— Это что? — спросил я.

— Связь, которую нельзя подслушать на расстоянии.

— То есть обычная верёвка.

— Удивительно, как хорошо она работает, если никто не пытается приделать к ней приложение.

На стене висела железная коробка с заржавевшим замком. Вера просунула сквозь отверстие сбоку медную проволоку. Конец проволоки уходил куда-то под кровлю мастерской. Рядом из щели выглядывала узкая полоска бумаги.

Я потянул её.

«НЕ НАЗЫВАЙТЕ ЕГО БУДУЩИМ. БУДУЩЕЕ ОН ЕЩЁ НЕ ПОЛУЧИЛ».

Почерк был мой.

И всё-таки чужой. Буквы стояли ровнее, чем я умел писать, а слово «будущее» было исправлено — сначала написано «последствие», затем зачёркнуто.

Я положил полоску перед Марком.

— Узнаёшь руку?

— Слишком аккуратно. Нас в школе за такое хвалили бы.

Из коробки выползла следующая бумажка.

«У ВАС ДО СВЕРКИ ОДИН ДЕНЬ. У МЕНЯ ДО ПРОВЕРКИ ИСХОДА — СОРОК ШЕСТЬ МИНУТ».

— Ого, — сказал я. — Сервисное обслуживание ускорилось.

Мы написали карандашом: «КТО ТЫ?»

Проволока дёрнулась, втягивая записку. Через несколько секунд пришёл ответ:

«ТОТ, КТО ОСТАЛСЯ ПОСЛЕ ПРАВИЛЬНОГО РЕШЕНИЯ».

Я сжал бумагу.

— Очень информативно. Как дипломная работа по философии.

Ника смотрела в щель. Лицо у неё было неподвижным.

— Спросите не «кто», — сказала она. — Спросите «когда».

Я написал: «КОГДА ТЫ ЖИЛ?»

Ответ шёл долго. В мастерской что-то стукнуло. Затем бумага поползла и остановилась на половине фразы:

«С СЕНТЯБРЯ ДВЕ ТЫСЯЧИ ТРИДЦАТЬ ПЕРВОГО ДО...»

Следом появился перечёркнутый прямоугольник. Такой густой, что карандаш порвал бумагу.

И ещё три слова.

«МНЕ НЕ РАЗРЕШАЮТ».

Марк отступил от стены.

— То есть он прожил время, которое ещё не произошло?

— Или которое произошло только для него, — ответила Ника.

— Для меня это одинаково неприятно.

Я взял карандаш.

«ЕСЛИ МЫ НЕ УМРЁМ, ТЕБЯ ИСЧЕЗНУТ?»

На этот раз ответ прилетел почти сразу.

«В ПРОШЛЫЙ РАЗ Я ПОЗВОЛИЛ ВАМ РЕШИТЬ ЭТОТ ВОПРОС. НЕ ПОВТОРЯЙТЕ».

— Он не ответил, — заметил Марк.

— Он нашёл удобный способ быть мной, — сказал я. — Самое неприятное, что у него получилось.

Внизу на полоске проступила ещё одна строка, хотя никто не тянул проволоку:

«ИЗЪЯТИЕ НЕ ВСЕГДА ОЗНАЧАЕТ СМЕРТЬ ТЕЛА».

Рядом возникла печать:

[НЕЗАПРОШЕННОЕ РАЗЪЯСНЕНИЕ]

Термин «изъятие» допускает прекращение личной последовательности при сохранении биологической оболочки.

Я посмотрел на Марка.

— Переведи с официального.

— Могут оставить меня ходить и дышать, но сделать так, будто я никогда не был собой.

— А что тогда останется?

— Кто-то очень удобный. Без прошлого, долгов и родственников.

Он говорил спокойно. Слишком спокойно.

— Я не собираюсь позволять им тебя переписывать, — сказал я.

— Не надо говорить «собираюсь». — Ника резко повернулась ко мне. — И не говорите «позволять». Просто делайте то, что можете сделать сейчас.

Я прикусил язык.

Последний узел у неё на руке больше не был просто маленькой ниткой. Он стал похож на синюю вену, которой не полагалось быть снаружи кожи.

Из коробки вылезла третья полоска.

«ТРЕТЬЯ КРОВАТЬ — НЕ ДЛЯ РЕБЁНКА. ЭТО МЕСТО, КУДА КЛАДУТ НЕИСПОЛНЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ ВМЕСТО ЕГО ХОЗЯИНА. СПРОСИТЕ НИКУ, ПОЧЕМУ ОНА НИКОГДА НЕ СНИМАЕТ ВАРЕЖКИ».

Я вскинул голову.

— Ника?

Девочка спрятала руки за спину.

— Не сейчас.

— В прошлый раз он знал про третью кровать. Теперь пишет, что она не для ребёнка. А ты знаешь, почему. Что мы упускаем?

— Он хочет, чтобы вы посмотрели не туда.

— Это правда или ещё одна недосказанность?

— И то и другое.

Она с усилием разжала пальцы. Под варежкой что-то хрустнуло, точно кто-то смял маленький бумажный пакет.

— Нельзя спрашивать меня об этом возле работающего регистрационного узла. Сейчас за мной закреплён допуск свидетеля. Если я назову настоящую причину, система решит, что я участвую в деле, а не наблюдаю его. Тогда последний узел развяжется.

Я уставился на неё.

— Ты же с самого утра участвуешь.

— Да. — Она опустила глаза. — Поэтому у меня осталось только одно право на ошибку.

Из коробки пришёл листок, написанный совсем другим почерком — резким, угловатым.

«ЧЕРНОВ, ОСТАВЬ ДЕВОЧКУ В ПОКОЕ. ЭТО ВЕРА. ВАШ СТАРШИЙ ЭКЗЕМПЛЯР ОБЪЯСНИЛ, КАК НАЙТИ КОМНАТУ ПОД КОММУНАЛЬНОЙ, ДВАДЦАТЬ ДВА. У МЕНЯ ЕСТЬ ОРИГИНАЛЬНЫЕ ЧЕРТЕЖИ. ПРИХОДИТЕ ПО ОДНОМУ. ЛАДА УЖЕ ВЫШЛА С СЕВЕРНОГО ВХОДА».

Ниже была приписка:

«И ЕСЛИ УВИДИТЕ ИНСПЕКТОРА С ДВУМЯ ФОТОГРАФИЯМИ, НЕ ДАЙТЕ ЕМУ ВАШИ ПАСПОРТА. ПАСПОРТА ТАМ СЧИТАЮТСЯ РАБОЧИМ ИНСТРУМЕНТОМ».

— У неё дар успокаивать, — сказал Марк.

Я хотел ответить, но в коробке что-то ударило о металл.

Бумажная полоса выскочила наружу, затем быстро втянулась обратно. Сквозь щель потекла густая чёрная жидкость. Не чернила — они капали бы вниз. Эта тянулась по стене вверх, собираясь в ровные строки.

«МЕСТО СВЯЗИ УСТАНОВЛЕНО».

«СУБЪЕКТЫ С ОДНИМ КЛЮЧОМ ОБМЕНИВАЮТСЯ НЕЗАВЕРЕННЫМИ СВЕДЕНИЯМИ».

«ОЖИДАЙТЕ ОПИСИ».

Где-то со стороны мастерской раздался крик.

Лады.

Я бросился к калитке.

Марк перехватил меня за воротник здоровой рукой.

— Стой.

— Там моя сестра.

— И моя — если верить твоим словам. Но если мы оба сейчас влетим туда, у нашего третьего товарища будет отличный повод быстро выбрать, кого из нас списать.

Ника приложила ладонь к коробке. На металле проступил мелкий текст:

«СВИДЕТЕЛЬ № 7. ДОСТУП ОГРАНИЧЕН».

Девочка отдёрнула руку.

— Лада жива, — сказала она. — Я слышу, что её не закрыли. Но инспектор уже внутри мастерской. Если мы останемся здесь, он найдёт нас по линии.

Я смотрел на дверь. За ней Лада могла сейчас умирать, а мне предлагали отойти. Удивительно, как быстро чужая разумность превращается в личное оскорбление.

Мой телефон завибрировал.

Не звонок. Сообщение с незнакомого номера.

«Макс, не возвращайся. У меня всё под контролем. Иди к Коммунальной. Лада».

Следом пришло второе:

«И перестань думать, что контроль — это когда ты находишься рядом».

Это была она. Второе сообщение могло написать только существо, с которым я прожил девятнадцать лет и безнадёжно проиграл все споры о том, кто уберёт посуду.

Я убрал телефон.

— К Коммунальной, — сказал я.

Марк отпустил мой воротник.

— В этот раз я рад, что не пришлось выбивать из тебя согласие.

— Просто ты не умеешь бить прозрачной рукой.

— Ты удивишься, чему я научусь.

Мы разошлись по разным выходам из двора.

И именно тогда я заметил, что между тротуарными плитами лежит свежая полоска кальки.

На ней было напечатано всего три слова:

«УЖЕ ВЫБРАН ВТОРОЙ».

Я поднял листок. Он оказался тёплым.

Не от солнца. От тела, которое ещё не успело остыть.

. . .

Ладу я нашёл возле старой трамвайной будки, в квартале от Коммунальной.

Она сидела на бетонном ограждении и заматывала левое предплечье эластичным бинтом. Рядом стояла Вера с большой тубой чертежей. По её лицу я понял, что вопрос «всё в порядке?» будет воспринят как персональное оскорбление.

— Что произошло? — спросил я вместо этого.

— К нам пришёл человек без лица, — сказала Лада. — Начал приставать к твоему старшему двойнику. Вера угрожала ему металлической линейкой. Я перевернула стол и позвонила в пожарную службу.

— Откуда пожар?

— Пока ниоткуда. Но у нас в мастерской есть аппарат, который работает без электричества и печатает будущее. По-моему, это пожароопасно.

— И?

— Когда диспетчер попросил адрес, инспектор услышал номер настоящего происшествия. Отступил. Видимо, даже ему не нравится быть записанным как пострадавший от халатности.

Вера поправила тубу.

— Не обольщайся. Он не ушёл. Просто взял паузу, чтобы проверить, кто из троих может подписать документы без руки.

— А третий где?

Лада посмотрела на меня.

— Остался. Попросил нас уйти. Сказал, что уже однажды совершил эту ошибку и больше не даст нам смотреть.

— Какую ошибку?

— Не сказал. Но я видела у него на шее след. Будто его затянули чем-то очень тонким. И ещё... — Она запнулась.

— Что?

Лада отодвинула рукав.

На внутренней стороне предплечья поверх свежего царапающего пореза была сделана маленькая синяя отметка: три короткие черты и одна длинная.

— Он нарисовал это мне перед тем, как мы вышли. Сказал, что если когда-нибудь забуду, как выглядела комната, должна смотреть на черты и считать не кровати, а стены.

Вера взяла её руку и повернула к свету.

— Это не случайная отметка. Это условный знак на архитектурных планах. Три коротких штриха обозначают три перегородки. Длинная — четвёртую, которую построили позднее.

— Значит, у комнаты была дверь? — спросил я.

— Была стена, — сказала Вера. — До того как решили, что оттуда никто не должен выходить.

Она вытащила из тубы синюю копию чертежа, который мы сделали утром.

На ней по-прежнему были три детские кровати и ни одной двери. Только теперь на полях виднелись едва заметные цифры. Девять дат. Сентябрь каждого года, начиная с две тысячи двадцать второго.

— Они появились, пока третий Чернов держал лист, — сказала Вера. — Не знаю, как он это сделал. И спрашивать не стала. У вас всех талант превращать ответ на простой вопрос в уголовное дело.

Я провёл пальцем по списку.

17.09.2022.

17.09.2023.

17.09.2024.

И так до 17.09.2030.

Под последней датой появилась десятая строка, напечатанная серым:

«17.09.2031 — ПОДЛЕЖИТ ЗАКРЫТИЮ».

— Девять лет, — прошептал я. — Девять исправлений.

— Или девять попыток одного исправления, — поправила Ника.

Мы с Ладой одновременно повернулись.

Девочка стояла у стены и рассматривала чертёж так, словно смотрела на школьную фотографию, где невозможно вспомнить ни одного лица, кроме своего.

— Каждый год семнадцатого сентября, — спросил я, — кто-то что-то менял?

— Не каждый год. — Ника сглотнула. — Каждый раз, когда исправление не выдерживало до следующего сентября, запись начиналась с той же даты. Для города проходил год. Для некоторых людей — намного больше.

Вера медленно убрала очки.

— Ты хочешь сказать, что девять лет мы жили в чужих черновиках?

— Не девять лет, — сказала Ника. — В девятом черновике.

Никто не произнёс ни слова.

И тут Марк появился за углом.

Он шёл медленно и держал подмышкой чужую папку. Левой руки у него уже почти не было видно до локтя. Лада бросилась к нему раньше, чем я успел сделать шаг.

— Боже мой, — выдохнула она. — Почему ты не сказал, что стало хуже?

— Я очень старался не портить тебе утро.

— У тебя рука исчезает!

— Да, но зато маникюр больше не требуется.

Она схватила его за запястье и вдруг остановилась.

Я видел, как её пальцы сдавили пустоту — и наткнулись на что-то твёрдое. Марк вздрогнул. Его прозрачная кисть на миг стала совершенно белой.

— Здесь кость, — сказала Лада.

— Конечно. У нормальных людей бывают кости.

— Я о другом. Она на месте. Тебя не стирают целиком. С тебя снимают право быть видимым в этой редакции.

Марк посмотрел на меня.

— Прекрасно. Значит, мы не умираем. Нас переводят в режим энергосбережения.

Вера резко выдохнула.

— Это объясняет, почему третий сказал не трогать бумагу, когда она начинает белеть. Вы теряете запись раньше, чем тело. И если запись удалят окончательно, тело просто перестанет кому-либо принадлежать.

На моём телефоне сама собой открылась карточка:

[ПРОМЕЖУТОЧНОЕ СОСТОЯНИЕ]Носитель: ЧЕРНОВ М. А. / РЕДАКЦИЯ Б.Статус: ПОДГОТОВКА К ИЗЪЯТИЮ ЛИЧНОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ.Необратимость: ПОСЛЕ СЛИЧЕНИЯ.Оставшееся время до локальной проверки: 00:19:00.

— Это ещё что за локальная проверка? — спросила Лада.

— Если нам пообещали день, — сказал я, — было бы странно, если бы дали прожить его целиком.

Ника указала на трамвайную будку.

На стекле, где раньше висело расписание, появилась схема района. Чёрными точками обозначались три местоположения: мы с Марком, а третья — в мастерской. От мастерской к нам медленно тянулась тонкая линия.

— Сличитель узнал наши адреса, — сказала она. — Он не может убить вас без первичного документа. Но может начать снимать с Марка всё, что считает вторичным.

— Тогда нам нужен первичный документ, — сказал я.

Вера положила чертёж на бетонный бортик.

— Он здесь. Точнее, место, где его спрятали.

На синей копии квадрат под лестницей засиял слабым светом. Три кровати были изображены теперь не чёрными, а красными линиями.

Лада наклонилась.

— Там не три кровати, — сказала она.

— Как это? — спросил Марк.

— Вот эти две — кровати. Видите, поперечные перекладины, изголовья. А третья... — Она коснулась плана ногтем. — Это медицинская кушетка. С ремнями. Такую используют для фиксации пациента при процедурах.

В моей голове щёлкнул какой-то старый, плохо закреплённый винт.

Я вспомнил квартиру на Коммунальной. Запах свежевыстиранного белья. Мать, которая просила нас не открывать дверь. И маленькую белую комнату, в которую мне запрещали заходить.

Но белой комнаты в нашей квартире никогда не было.

Я был в этом уверен.

И одновременно вдруг понял, где находилась её дверь.

Под лестницей.

. . .

До Коммунальной, двадцать два, мы дошли за семь минут.

Возможно, шесть. Когда улица существует сразу в двух редакциях, вопрос о расстоянии становится темой для горячего спора между ногами и географией.

Слева от подъезда стоял хлебный киоск. Я знал его с детства: продавщица держала под стеклом обгоревшую фотографию кота, хотя кот, как она утверждала, просто «неудачно вышел». Справа от киоска висело облупленное объявление об обмене квартиры.

Марк посмотрел туда же.

— Сантехника, — произнёс он.

На секунду я увидел другой фасад. Вместо киоска — стеклянная витрина с блестящими смесителями. Вместо объявления — рекламный плакат: «КРАНЫ, КОТОРЫЕ НЕ ПОДВЕДУТ».

Потом картинка вернулась.

— Ты тоже это видел? — спросил Марк.

— Да.

— Раньше я не видел твою версию. Только свою.

— Значит, две редакции пытаются наложиться друг на друга.

Вера проверила часы.

— У нас двенадцать минут до местной сверки. Если хотите философствовать об устройстве пространства, я вам оставлю учебник и некролог.

Мы вошли в подъезд.

На первом пролёте пахло кошками и сырой штукатуркой — запах, который в России не столько указывает на конкретный дом, сколько доказывает, что это действительно подъезд. На площадке стояла детская коляска. Женщина в спортивном костюме пыталась вынуть из неё мальчика лет четырёх, но ремень безопасности заклинило.

— Помогите, — попросила она, когда увидела нас. — Не открывается.

Марк подался вперёд, но я остановил его.

Не потому, что не хотел помочь. Из-за ремня.

Он был пристёгнут в двух разных местах. Крепление то исчезало, то появлялось сбоку. У коляски было два одинаковых колеса спереди и три — сзади. Одно из них медленно растворялось в воздухе.

— Вы давно здесь живёте? — спросил я женщину.

— С рождения. Какая разница? — Она дёрнула ремень. Мальчик заплакал. — Помогите лучше!

Лада опустилась перед коляской. Нашла замок пальцами.

— Спокойно, малыш. Сейчас. Как зовут?

— Тёма, — всхлипнул он.

— Отлично, Тёма. А я Лада. У меня брат тоже любит запутываться в ненужных ремнях. У нас большой опыт.

На моём телефоне вспыхнула надпись:

[РАЗРЕШЕНИЕ АДРЕСНОГО РАСХОЖДЕНИЯ]Объект: КОММУНАЛЬНАЯ, 22.Неподтверждённых жильцов: 14.Коррекция второго фасада: НАЧАТА.Первое исключение: 00:01:10.

Нас здесь не ждали. Мы привели с собой место, где город не мог решить, кому принадлежит дом.

— Вера, — сказал я, — бумага. Нужна запись, что люди находятся внутри.

— Чернов, ты предлагаешь мне переписать всех жильцов, пока дом стирают?

— Нет. Просто сделать такой документ, который в случае сноса потребуют показать любой обычной службе.

Вера перевела взгляд на женщину, коляску и стену, где проступало серое пятно.

— Акт осмотра жилого помещения при возникновении опасности для людей, — сказала она. — Без решения суда не отменишь.

— Вы с собой формы носите? — спросила Лада.

— Дорогая, когда работаешь с муниципалитетом, со временем начинаешь носить всё, кроме терпения.

Она достала из тубы сложенный лист. Положила его на подоконник и быстро стала заполнять графы.

Я опустился рядом с Ладой. Неестественно длинный ремень всё туже обвивал мальчика. У женщины дрожали руки.

— Не тяните его, — сказал я. — Он затягивается, когда коляску пересчитывают.

— Что вы такое говорите?

— Это долго объяснять. У вас есть ключи от квартиры?

Она показала связку. Синие пластиковые брелоки с цифрой «6».

— А этаж какой?

— Второй.

— Почему на брелоке шесть?

— Потому что квартира шестая, конечно. — Она замолчала. — Хотя... нет. Мы живём в сорок шестой. Я же сама сюда переехала... Нет, родилась. Господи, что со мной?

Лада подняла на меня глаза.

Дом уже переписывал её память.

Я вытащил служебный пропуск техника адресных объектов. На нём всё ещё читалась старая отметка допуска к демонтажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.